

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

РАБ
ИЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

КНИГА ШЕСТАЯ
ПРЕОДОЛЕНИЕ

ЭКСМО

Юрий Иванович
Преодоление
Серия «Магия – наше будущее»
Серия «Раб из нашего
времени», книга 6

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606715

Раб из нашего времени. Кн. 6. Преодоление : роман / Юрий Иванович:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69980-3

Аннотация

Раб из нашего времени, Борис Ивлаев, или, как его называют в мире Набатной Любви, Миха Резкий, даже на каторге сумел неплохо устроиться. Он обладатель Первого Щита, убийца самого Светозарного – императора людоедов, и вообще – неимоверно крут. Но и у самых крутых бывают проблемы. Особенно если обитатели Дна, матерые уголовники, возненавидят выскочку. Вот и получилось, что Миху Резкого заставили проглотить парочку симбионтов-груанов. А ведь, как известно, от груанов польза лишь инвалидам и безнадежно больным, а здоровому как бык каторжанину – только мука. Но Миха не из тех, кто прощает обидчиков...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	12
Глава вторая	19
Глава третья	29
Глава четвёртая	54
Глава пятая	80
Глава шестая	103
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Юрий Иванович

Преодоление

© Иванович Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Мало того, что Дно является одной из самых жутких, смертельно опасных каторг всего мироздания, так ещё и вечные, давящие на психику сумерки этого мира могут лишить психологического равновесия самых нравственно стойких и самых морально выносливых людей. И если человек ещё здоров физически, то он как-то справляется с этим ежеминутным, гнетущим кошмаром. А вот когда приболеет, вот тогда на него и наваливается вначале хандра, потом жуткая тоска с печалью, а потом и обрушивается на сознание всей своей массой мрачная безысходность. И тогда его не могут спасти ни верные товарищи, ни любящий человек, ни отличные лекарства в виде отваров из местных травок или перемолотые в труху корешки нескольких иных, бодрящих и возбуждающих растений.

И тогда в сознание каторжанина стучится костлявой рукой смерть, которую он не просто не старается отогнать от себя, а воспринимает со смирением, с облегчением и даже с определённой радостью. И как же ему не радоваться, когда все мучения остаются позади и ничего больше не связывает несчастного с миром живых?

Сумрак прорывается в сознание...

Ну разве что туда ещё прорываются некоторые иные воспоминания, лишний раз давая человеку, а скорей всего и по-

следний, посмотреть свою бренную жизнь.

Вот так примерно и я рассуждал, когда порой приходил в себя, выныривая из кошмаров, и осознавал гнетущую, сумрачную реальность вокруг. Мне страшно хотелось открыть глаза и увидеть солнечные лучи. Я страстно желал вкусить взглядом хотя бы нормальный светлый день. Да что там нормальный, я бы и от мрачного, дождливого дня не отказался! Лишь бы это был *день*, а не вечный сумрак. Лишь бы за окном что-то бушевало: ветер, дождь, гроза, блистали молнии или даже ревел неудержимый ураган.

А там, сколько я ни всматривался после возвращения в сознание, висела всё та же серая мгла.

И в какой-то момент я понял, что устал бороться за собственную жизнь.

Потерял ту связующую нить, которая держала все мои разрозненные кошмары и мучения воедино. И реальность стала распадаться на рваные, скомканные фрагменты моей жизни, за которыми я отстранённо наблюдал, словно случайный, совершенно незаинтересованный зритель. Разве что некоторые, особенно занимательные и произошедшие в последнее время, я как-то с удивлением приписывал своей биографии. Остальное казалось чужим, несущественным и неинтересным.

Словно посторонний, давно не относящийся ко мне мир, я вспоминал Землю. Моя жизнь до десяти лет – вполне нормальная и даже насыщенная интересными событиями, и по-

сле десяти – когда я превратился в инвалида и перестал расти... Неинтересно...

Приключения, связанные с нахождением дороги в мир Трёх Щитов, – какие-то будничные и ничем не примечательные. Ну, подсмотрел случайно, как Грибник делает шаг и переносится в иную вселенную, ну самому удалось совершить подобное, чисто случайно при этом не погибнув, что в этом привлекательного? Похищение меня вонючим кречем, попадание чуть ли не на стол к людоедам вообще проходило одним мрачным, потрясающим всё естество пятном. А уж насильственное возведение меня в обладатели Первого Щита – сразу при воспоминании вызывало рвотную реакцию. После такого жутко неприятного воспоминания даже моя лихая попытка побега из империи Гадун и уничтожение при этом множества зроаков во главе с принцем, владельцем замка Дефосс – не взбадривали.

Не взбадривала и моя эпопея, которую я пережил с Леонидом Найдёновым, когда мы по ошибке попали не в Рушатрон, а опять-таки к границам людоедской империи Гадун и там своими арбалетами задали жару двуногим тварям и их крылатым подручным. Убийство императора людоедов вообще соотносилось с кем-то иным, словно это и не я целился в этого гада на максимальном расстоянии поражения для моего арбалета.

Разве что само пребывание в Священном Кургане, Лобный Камень, чарующая музыка гимна, волшебная Гипна,

после которой я стал академиком среди художников – это несколько кололо сердце какой-то приятной истомой и ностальгией. Всё, что прекрасно, – манит к себе, предлагая пережить это повторно... Только вот манило как-то слабо, еле-еле...

Приятно было вспомнить только про моменты осознания, что я начал расти и выздоравливать. Наверное, это и было одной из самых ярких, пережитых в моей жизни эмоций...

Дальше шли более яркие картинки, и уколы беспокойства становились сильнее. Потому что приходилось волноваться за Марию, Катерину и Веру, моих подруг детства и дальних родственников. Они сдуру решили, что раз меня кречи похитили, то, значит, уже и зроаки съели, да и подались в армию наёмниками, чтобы за меня отомстить. Мы с Лёней бросились на их поиски, пересекли империю Моррейди в ином направлении и опять сразились с аспидами рода человеческого зроаками и их приспешниками, рогатыми тварями кречами. Моих подружек нам нагнать не удалось, пришлось самим убежать в иной мир... В мир Набатной Любви...

А там сразу мы потерялись в пространствах, потом тюрьма, сложности с легализацией и совсем уж для меня неуместное, случайное убийство Светозарного. За это меня гаузы, колонизаторы мира, без суда и следствия зашвырнули на каторгу, которая называлась Дно.

И всё бы ничего, здесь тоже можно выжить, особенно обладателю Первого Щита, если бы не куча всяких «но», «толь-

ко вот» да «если бы». Ценнейшая валюта данных недр – это груаны, уникальные симбионты, которые помогают вылечиться, зарастить раны, а то и поставить на ноги неизлечимых инвалидов. Мне только и следовало как можно быстрее насобирать свой десяток и, получив за это амнистию, вернуться в нормальный мир. Но вот тут и свалились на мою голову мрачные обстоятельства, организационные трудности и социологические условности общества с засильем уголовников. И когда жизнь вроде как стала налаживаться, мне в очередной раз не повезло.

Причём не повезло очень, ну очень крупно. Я потерял на какой-то момент бдительность и попался в лапы самых подлых, ненавидящих меня бандитов. Те решили подорвать удивительными ракушками не только меня, но и моих товарищей, и пока я находился в беспамятстве, протолкнули мне в горло сразу два груана. Одного симбионта мне удалось исторгнуть из себя с помощью особо мерзкого местного рома, и мы посчитали с друзьями, что я спасён...

Увы, только через два часа выяснили от пленённого врага по поводу второго груана. Вначале мне тоже показалось, что ничего страшного. Раз сразу не разорвался, то проблема решена. И я вначале очень сильно надеялся в этом вопросе на свой Первый Щит. Ведь он тоже не что иное, как симбионт, улучшающий человека, защищающий его и поддерживающий его здоровье в полном порядке. И вдобавок дающий своему носителю некоторые (а кому повезёт, то и мно-

гие!) магические умения. А значит, обязан был изолировать постороннего «чужака» в желудке, а потом и переварить его благополучно. Или хотя бы попросту убить. Тихо так убить, быстро и для меня безболезненно.

Увы... не получилось, видимо, у него... Оплошал мой Щит, подвёл хозяина...

И хоть в башню Пирамидка, нашу новую обитель, я вернулся на своих двоих, и даже несколько часов после этого ещё ходил, принимал душ и пытался поест, потом всё-таки свалился. Меня начали доставать боли, повысилась резко температура, начались потери сознания, одолели провалы памяти, полные кошмаров, и порой ломали страшные судороги по всему телу, от которых меня не могли спасти никакие массажи, удержания на кровати и даже прочные, наглухо стягивающие конечности и торс ремни...

Подобное растянулось на многие дни... Очень многие... Казалось, что мои мучения растянулись на месяцы и на годы... Но, как я смутно улавливал периферией своего сознания, прошло всего лишь жалких десять дней... пустяк по сравнению даже с моим восемнадцатилетним возрастом... Но и этот пустяк меня сломал...

И я начал уставать... Просто уставать бороться, и ничего больше...

Обстоятельства обернулись против меня...

Сумрак, надоевший снаружи, прорвался и в сознание...

И даже мельтешение кадров из прожитой жизни стало за-

медлятся.

Глава первая

Новое состояние

Ольшин Мастер, самый опытный среди обитателей башни Пирамидка, шумно выдохнул в расстройстве и бережно отпустил кисть больного, такую же бледную, как простыня. В тоне ветерана сквозила какая-то злая обречённость:

– Я не врач, ручаться не могу, но кажется, Михе стало ещё хуже. Несмотря на прекращение жара и судорог, количество ударов его пульса продолжает падать. Сейчас оно не больше двадцати в минуту. Насколько я могу судить, он либо проваливается в кому, либо...

Он многозначительно замолк, не договорив самого страшного и поглядывая на собравшихся в командирской спальне товарищей и побратимов. У всех них на лицах читались скорбь, сопереживание и скорбное уныние. Видно было, что им страшно взглянуть на Михаила Резкого. Парень из здорового и сильного молодца за десять дней превратился в подобие прозрачного скелета с ссохшейся, старческой кожей. Как они ни старались все эти дни протолкнуть в него пищу – это толком не получалось, и каждый раз выкидывалось организмом обратно. В том числе ни отвары никакие не принимались, ни чистая вода.

Причина такого состояния была ясна – проглоченный гру-

ан, но вот ни методов лечения этого, ни подобных случаев в практике Дна не имелось. Так что как спасти парня, никто и предположить не мог.

Вернее, ещё в первый день идея была подана, и сейчас Степан Живучий о ней напомнил:

– Надо было ему всё-таки аккуратно разрезать живот и вытащить этот неразорвавшийся симбионт!

И сейчас, точно так же как и десять дней назад, Олышин уточнил:

– Сам берёшься резать или пошлём за хирургом?

Некие понятия они все дружно имели, где у человека какие внутренности находятся, но одно дело знать это несколько гипотетически да рассматривая вывалившиеся внутренности врага, а другое дело кромсать ножом своего друга, соратника и командира. Степан настаивал именно на коллективной ответственности, мол, резать будем все вместе, подсказывая и советуясь прямо на ходу. Да только ветераны такое отвергали категорически. Они гораздо лучше знали, насколько сложно сделать надрез возле желудка, чтобы не повредить центральные артерии или не умертвить важнейшие внутренние органы.

Но увы, ничего больше кроме хирургического вмешательства предложить не смогли. Вот больной и дошёл до критического состояния, о котором говорили все внутренние и внешние признаки. Плюс постоянно уменьшающийся по количеству ударов пульс.

Пожалуй, единственная, кто из всех собравшихся верил в спасение Резкого, это Ксана Молчун, его жена, в её же понимании и по её же утверждениям. Потому что сам парень никогда с подобным определением семейственности вслух не соглашался. Хотя, и это было не секрет, спал вместе с подругой на одной кровати, и ещё на пути к Пирамидке уединялся с красавицей в пещерке с горячими геотермальными водами.

Вот и сейчас Ксана выглядела рассерженной и раздосадованной:

– Ну и чего вы все приуныли?! Подумаешь, пульс замедлился! Вы просто не знаете, насколько Миха здоровый и живучий. Какой он выносливый и двужильный...

– Знаем... – с соболезнающим вздохом вырвалось у одной из двойняшек по имени Снажа. – Крепкий парень был...

Сказала, наткнулась на хмурый, пытающийся вразумить взгляд своей сестры и растерянно прикрыла рот, словно ляпнула что-то не то. Все остальные тоже на неё как-то странно уставились, словно переваривая услышанное и соображая по поводу некоей двусмысленности. Да и сама Ксана враз припомнила, как эти бесстыжие девки оголяли перед её мужем свои ноги, притворяясь ранеными и нуждающимися в лечении. Старая ревность сразу проснулась, и красавица поспешила уточнить:

– В каком смысле крепкий?

– Да в прямом! – фыркнула вступившаяся за сестру Всяна. – Неужели ты не видела, как он, израненный да жутко из-

битый, будучи весь в крови, смог заставить себя лечить Сурта, а потом ещё и тех ублюдков в поле вылавливать?

— Это я видела...

— И что? Это ли не свидетельство его крепости?

Назревала неприятная ссора, которую прервал решительной сменой темы Ратибор Палка:

— А вот моя догадка скорее всего оказалась самой верной. И дело тут вовсе не в груане, а в побоях.

Он с самого начала как раз отыскивал причину болезни именно в последствиях избияния Михаила. Тому очень здорово досталось от бандитов. По всему телу синяки, ссадины и кровавые стёртости. И сам парень ещё успел признаться, что у него сломано несколько ребёр. Так что ветеран сразу утверждал: виной всему либо омертвление печени, либо закупорка желудочно-кишечного тракта.

Но вот ему уже возражали буквально все, и с огромной убеждённоcтью. Потому что все себя считали большими знаатоками признаков, по которым видно отказавшуюся работать печень и которые указывают на неправильную работу желудка. В этих вопросах даже Лузга Тихий считал себя знаа-током, и даже оживший окончательно в последние дни и оправившийся от раны Сурт Пнявый.

Так что Ратибору не светило оказаться правым... зато в споре быстро исчезло само упоминание о начавшейся ссоре между женщинами.

Кричали и шумели все сразу и одновременно. И только

один участник собрания помалкивал да с укором посматривал своими фиолетовыми глазами на устроенный балаган. Прижившийся в коллективе Хруст, здоровенный представитель семейства кошачьих, которого Миха назвал, видоопределил когуяром, стал уже всеобщим любимцем. И мало кто вспоминал, что его отыскал в Лежащей именно командир и что только Резкого неведомая в мире Набатной Любви, а также и на Дне зверушка почитает за своего не то папу, не то маму. Спит под дверью его спальни, а остальным разрешает себя ласкать и гладить постольку-поскольку. Ну разве что Ксане позволял себя баловать и тискать несколько больше, чем всем остальным обитателям башни шестьсот дробь три тысячи три (600/3003).

Что интересно, на охоту Хруст не ходил, от башни дальше полусотни метров не отлучался и довольствовался только тем мясом, которым его угощали люди. К тому же, сколько к нему ни присматривались десять последних дней, так и не подрос, из чего сделан был резонный вывод, что котяра взрослый и уж никак к детским особям не принадлежит. Из особых странностей животного было замечено огромное пристрастие к чистоте и к частому купанию. И уже на третий день пребывания в новом жилище когуяр наловчился сам открывать в душевой краны с водой и торчать под струями, а то и дремать там по полчаса как минимум и по несколько раз на день.

Но никому и ни в чём он не мешал, и чаще когуяра осо-

бо не замечали. Особенно во время споров. До сегодняшнего дня. Потому что именно сейчас Хруст и прервал разросшийся диспут с криками своим странным поведением. Вначале слишком громко захрустел, привлекая внимание к себе и словно требуя тишины, а потом, встав на задние лапы, склонился над умирающим и демонстративно лизнул его в щеёу.

После этого все и заметили с явным опозданием, что парень лежит с открытыми глазами и явно кривится от излишнего шума.

Тотчас к исхудававшему телу ринулась Ксана, нависая над ним и с беспардонной ревностью отталкивая громадную кошачью голову:

– Миха! Ты как? – зашептала она, заливаясь слезами. – Не умирай, скажи хоть что-то!

Больной перестал кривиться и зашептал:

– Как же вы кричите!.. Оглохнуть можно...

Все присутствующие и так уже молчали, боясь громко вздохнуть, но красавица всё-таки взмахнула повелительно рукой и пробежалась по ним грозным взглядом, пресекающим любые разговоры. После чего опять зашептала:

– Как ты себя чувствуешь? Что тебе надо? Чего ты хочешь?

Для неё не было более авторитетного врача, целителя или знахаря, чем Резкий, поэтому она и пыталась узнать у него самого, чем лучше всего помочь или как спасти истощён-

ный организм.

Ответ раздался только на последний вопрос:

– Спать хочу... И тишины...

– Может, хоть воды попьёшь? Или съешь чего?

– Потом...

Этого было достаточно для интенсивных взмахов ладошек, после которых все на цыпочках стали выходить из спальни. И уже снаружи Степан Живучий вспомнил, что пришла пора менять наблюдателя, и поторопил Емельяна Честного:

– Смени Тимофея Красавчика. Пусть тоже порадуетя, что наш атаман очнулся.

Глава вторая

Преобразование и выздоровление

Эти последние слова Степана я расслышал за закрытой плотно дверью настолько прекрасно, словно он мне их крикнул в ухо. Но в то же время меня не громкость покорила, а само определение «очнулся». Да, я как-то выпал из транса или комы, пришёл в себя от жуткого рёва и какофонии криков, да от странного, можно сказать, жестокого удара по щеке, но сделал это как-то не так, неверно, не по-настоящему, с какими-то несуразными, кошмарными искривлениями окружающего пространства. Вокруг меня всё ломалось, извивалось и струилось, искажённое потоками миражей. Собственные руки, ноги и прочие части тела и их пропорции то удлинялись невероятно, то сокращались до несуразности. Сплошное смещение масштабов и водоворот из привязок и постоянных зрительных ориентиров.

То есть на меня свалилась реальная, как мне в тот момент показалось, стадия полной шизофрении.

Хотя, и это было очень странно, голос Ксаны я узнал. Как и вполне отчётливо понял каждое сказанное ею слово. Оно тоже гремело у меня в голове всемирным набатом, но хоть уже не убивало и не пыталось меня размазать тонким слоем по вселенной. Мои ответные слова, вырывающиеся из непо-

слушных губ, можно было сравнить с медленным, скрежещущим камнепадом. Искажённая действительность меня не слушалась и не поддавалась контролю совершенно.

Вопрос о пище и еде я понял. Как и осознал, что поесть было бы желательно. А ещё лучше – просто попить воды. Но в тот же момент я понимал, что сил для этого мне не хватит, а чтобы их набраться, следует срочно поспать. Иначе – никак! Немного поспать, час, два, но поспать обязательно. Как это соотносилось с пониманием самого себя, с процессом возможного выздоровления или с подспудными инстинктами выживания, осознать тоже не получилось. Только и пришло понимание, что так надо, так будет для меня лучше.

Ну и заснуть в рёве не получилось бы. Потому и попросил тишины.

Она и наступила. Но такая относительная, что я продолжал кривиться и мысленно возмущаться такими вот нехорошими поступками по отношению ко мне. Где-то гроыхало, кто-то топал, что-то падало, некто возле меня шумно дышал, нечто ворочали и тащили по полу, а чуть в отдалении продолжали беспардонно переговариваться. И наверное, минут десять я бесполезно пытался отстраниться от этого шума-грохота, а потом не выдержал и раскрыл глаза. И даже смог повернуть головой на разные стороны от кровати.

И тогда окончательно начал понимать, что я свихнулся. Никого в помещении не было, кроме сидящей рядом на сту-

ле Ксаны. А она смотрела на меня во все глаза и дисциплинированно, если не сказать испуганно, молчала. Но как она шумно при этом дышала! Кошмарно, словно работали кузнечные мехи, да ещё и посыпанные в местах трения песочком.

Но увиденное мобилизовало умственную деятельность у меня в черепушке, и пришло неожиданное понимание абсурдности ситуации: как может меня раздражать громкое дыхание замершей и дышащей через раз подруги? Что случилось-то? Откуда вдруг такая невероятная слуховая чувствительность? А раз она вдруг настолько болезненная, то нельзя ли это как-то подправить? Как-то уменьшить звук?

Иначе я попросту не усну.

Так что я опять закрыл глаза и попытался сосредоточиться на тех каналах, по которым звук поступает ко мне в мозг. И дело-то оказалось простейшее! Только и пришлось создать некие вакуумные прослойки перед слуховыми мембранами, как тотчас сознание укутала блаженная тишина, а всё моё тело стало погружаться в нирвану сонной прострации. Причём именно сонной, а не кошмарной и болезненной прострации, которая меня окружала последние десять дней.

Ну и наступил сон, во время которого мне даже что-то приснилось. Какая-то мешанина не связанных между собой сценок и картинок, которые было трудно разобрать, а уж тем более запомнить. Зато осталось общее впечатление от сна, что он добрый, радостный, лёгкий, светлый и... настраива-

ющий на выздоровление.

Так что когда по истечении двух часов я проснулся, то ощутил своё тело несколько иначе. Всё ещё неживое и совершенно чужое, оно замерло в неподвижности от дивной истомы, в которой даже потянуться не было ни сил, ни желания. Хотелось вот так просто лежать, редко вздыхая, и тупо радоваться тому, что остался в живых. Все остальные мысли куда-то исчезли, испарились, словно и голова моя очистилась от ненужных дум, переживаний и забот о собственном существовании.

То есть из одного состояния моя аура стала перетекать в другое. И затрудняюсь определить точно, в какой мне было бы хуже. Ведь в таком вот состоянии расслабленного овоща сознание тоже перестаёт бороться с негативными факторами окружающего пространства.

Благо, что Ксана оставалась рядом и каким-то образом почувствовала, что я проснулся. Поэтому не просто стала меня спрашивать и что-то говорить, а наклонившись, аккуратно коснулась моего плеча.

Это она потом клялась и божилась, что аккуратно и именно коснулась. А мне-то показалось, что со всего маху врезала кулаком! Да ещё и облачённым в рыцарскую перчатку! Так что раскрыл глаза от боли и возмущения настолько резко, что ослеп в первые секунды. Потом всё-таки рассмотрел, что к чему, и по шевелящимся губкам подруги понял, что она что-то оживлённо и быстро говорит. Вначале удивился

такому странному методу общения, когда ни звука не удаётся расслышать, но потом вспомнил о вакуумных берушах, которые я сам себе и создал недавно, мечтая выпастись в тишине.

Убрал первую с левого уха, и тут же на него оглох. Ксана не просто говорила, она орала истерическим голосом, усиливая его громоханием и треском стреляющих молний.

– Зачем ты кричишь?.. – вырвалось у меня. Одновременно с этим я возвратил прослойку вакуума в ухо, пытаюсь спасти барабанную перепонку. – Разве так можно?..

Ксана сжала губы, но тут же перешла на мимику. Причём настолько ясную и понятную мне, что я сразу поверил: она только что говорила спокойно, чуть ли не шёпотом. Следовательно, всему виной моё обострившееся во время болезни восприятие. И что теперь делать?

Тут тоже, несмотря на слабость и головокружение, удалось додуматься быстро. После чего я из правого уха вакуумные беруши стал убирать по слоям, постепенно утончая. При этом попросил вслух:

– Продолжай говорить... Только негромко...

– Я уже и боюсь что-то сказать, – зашептала она.

– Хорошо... Можешь чуточку громче...

– Ты вроде как проснулся и стал улыбаться, – повысила она голос. – Но глаза не открываешь и дышишь редко. Вот я и коснулась плеча... А ты как застонешь! Как весь дёрнешься!

Звук я отрегулировал, оставив беруши вполне себе толстыми и решив, что со слухом у меня отныне будут сложности немалые. Понять бы ещё, что конкретно и почему такое искривление в головешке произошло.

На остальные слова Ксаны тоже внимания особого не обратил, а вот про воду вспомнил одним словом-просьбой:

– Пить! – тотчас стакан оказался у моих губ, а женский голос попытался упредить следующее желание:

– Может, укрепляющий отвар из трав? Или чай? Тут всё есть, под рукой!

Сделал десяток маленьких глоточков и прислушался к ощущениям в гортани, пищеводе и желудке. Ну и, конечно же, отчётливо вспомнил основную причину своего нынешнего недомогания. Мой симбионт, который меня вылечил в последние месяцы от инвалидности, затем дал новые силы и массу полезных магических умений, наверняка все эти последние десять дней вёл отчаянную борьбу с чужаком, с насильно в меня помещённым груаном. Тоже симбионт, и тоже с дивными, не до конца исследованными свойствами, но пребывание которого в желудочном соке человека провоцирует взрыв через полчаса. То есть следовало разобраться, что у меня во внутренностях и как.

Судя по тому, что я не взорвался, – мой Первый Щит всё-таки справился с опасностью. Вот только какой ценой он это сделал? Общий упадок сил и навалившаяся дистрофия ощущались мною даже без ощупывания исхудавшего тела. Так

что вполне мог случиться и такой вариант, что мой личный симбионт погиб в борьбе с чужим, опасным существом. Так сказать, пал смертью храбрых в бою, но своего носителя всё-таки спас. Чем мне такой вариант грозит? Жить, наверное, буду, но про дивное зрение в темноте да про квинтет тринитарных всплесков придётся забыть навсегда.

Правда, тут же мелькнула в сознании подсказка:

«Чего тут мучиться в неведении? Надо просто проверить хоть одно своё умение... Хотя бы тот же «щелбан»... Хотя бы на той же Ксане... М-м? А если она обидится? Да рассердится?..»

Пришлось оборвать её совершенно бессмысленный и невоспринимаемый диалог:

— Ничего не слышал, потом повторишь... А сейчас прислушайся...

По тому, как она дёрнулась головой в сторону, я понял, что мой тринитарный всплеск подействовал! Умения мои при мне! Мой Первый Щит жив и продолжает здравствовать! Ну а вместе с ним и у меня имеются все шансы выкарабкаться окончательно.

И пока я блаженно лыбился и выслушивал недоумённое женское бормотание, из внутренностей моего организма стали доходить новые сигналы. Если перевести их на общепринятый язык, то интерпретировались они как:

«Выпитая вода принята и расфасована по нужным кладовым. Теперь не помешало бы чего-нибудь более существен-

ного. А посему подайте-ка нам те самые отвары из трав! Посмотрим, на что они годны!»

Ну я и прошептал:

– Давай отвар!..

Выпил, опять прислушиваясь к себе и к рассказу Ксаны о том, как они тут все эти десять дней волновались, и как она верила, что я обязательно справлюсь со своими недомоганиями. Ну и дождался очередных указаний из желудка:

«Эй, вы там, наверху! А не пора ли нас чем существеннее покормить? Может, не обязательно и мяса... да много... да жирного... да с грибной подливкой!.. Но хотя бы какого-нибудь... салатика, что ли?»

Хорошо, что мозги у меня ещё не совсем покоряются желудку (хотя были случаи, но кто такие несуразицы вспоминает?). Поэтому я сообразил, что именно в данный момент будет для меня самое полезное. Тем более я знал, что оно у нас имеется, благодаря получаемым пятидневным пайкам:

– Ксан, а киселя готового нет? – видя, как заполошно подруга вскочила и собралась бежать на кухню, вспомнил и про местный изюм, который тут называли несколько иначе: – И пусть сразу мне на потом слад в кипятке размочат. Немного, с полмиски...

Пока девушка отсутствовала, попытался двигать руками и ногами. Нижние конечности вроде как слушались, но всё равно двигаться не хотели. Руки удавалось поднести к лицу и даже рассмотреть, просматривая словно прозрачные, на свет

стоящей на столе большой лампы. Вот тут я окончательно поразился произошедшим со мной метаморфозам. А точнее говоря, тому страшному похудению, которое сделало меня за десять дней похожим на вилку в профиль. Такое впечатление создавалось, что даже кости внутри ссохшейся обёртки из кожи стали тоньше в два раза.

«Эк меня истощила эта борьба с груаном! – одуревал я, пытаюсь рассмотреть, что у меня там вместо крови течёт. – Так, наверное, святые мощи выглядят, или йоги, которые годами ничем кроме воздуха не питаются... Хм! Как это Ксана на меня ещё глянуть не боится? Наверное, личико – в страшном сне такого не приснится... О! И кровь какая-то слишком бледная стала... Теперь-то я точно понимаю, как выглядит «голубая» кровь и почему. Все чудеса от голода творятся, не иначе! Хе-хе! Она и течёт теперь так, что ни один пульс у меня толком не прощупывается...»

К сожалению, глянуть на остальное своё тело не получалось, сил поднять голову – не хватало. Но когда примчалась Ксана с обещанием, что кисель сейчас будет, я попросил положить мне под голову ещё одну подушку, после чего сосредоточился на попытках просмотреть собственный желудок.

Но не тут-то было! Ничего кроме покрова истончившейся кожи да распластавшейся под ней жалкой мышечной массы рассмотреть не удалось. А ведь раньше я не только себя, но и любого другого человека просматривал вполне неплохо. С рентгеном себя не сравнивал, но уж всякие любые кости, а

то и переломы на них видел прекрасно. Другой вопрос, что я никогда толком не разобрался в том, что вижу, это да, такое существовало. Кажется...

Потому что с явным усилием попытался вспомнить:

«Лопатку собственную, да ещё и с помощью зеркала, просматривал точно. Внутренности того же Лузги, в том числе на животе, – увидеть в любом внутреннем слое – тоже труда не составляло. А вот сам себе? Кажется, нет...»

Вот и выяснил, что до сей поры не просматривал я свой желудок. Даже когда понял, что где-то там затерялся местный симбионт, даже когда боль меня стала крутить и валить с ног, даже когда судороги брюхо мне скручивали – не заглядывал. словно боялся увидеть там нечто такое страшное, от чего сразу бы в обморок свалился.

И вот тоже как-то странно! Знал ведь, что там у меня Первый Щит, и попыток его рассмотреть не проявил. Скорее всего, и не понял бы, где он там и чем отличается от иной внутренней плоти, но всё-таки сам факт такого равнодушия поражает. Уж не находился ли я всё время под неким гипнотическим запретом: «Сюда заглядывать нельзя!»?

А теперь что получается? Запрет пропал, а зрения лишили? Или там что-то непроницаемое появилось? Надо бы посмотреть на кого иного да сравнить... О! Хотя бы Ксану просветить!

И я во все глаза уставился на пришедшую с киселём подругу.

Глава третья

Многообразие новостей

Но перенапряжение стало сказываться, закружилась голова. И уже в подобном головокружении приступил к поглощению киселя, выпив две кружки которого заснул на часик в пресыщенном состоянии. Проснулся от голода и слопал размякший в кипятке изюм. После чего, опять впадая в дрёму, заказал себе на следующий приём пищи жиденькой каши, заправленной прожаренными на пайковом жиру местными корешками пбйду. На Дне пбйду использовали вместо лука, потому что вкус был вполне сходным с земным аналогом.

Следующая кормёжка уже представляла собой кашу, сваренную на мясном бульоне. Потом попробовал несколько кусочков самого нежного мяса байбьюка, которого охотники принесли чуть ли не сразу к плите. Затем кашу с мясом и подливкой. Ну и к обеду одиннадцатого дня я уже еле смог удержаться, чтобы не съесть только *одну*, нормальную порцию. Страшно хотелось хотя бы несколько порций.

Состояние в тот момент стало совершенно такое же, как во время нашего с Леонидом путешествия на барке по реке Лияна, в империи Моррейди. Тогда я как раз начал расти и восстанавливаться после своей инвалидности, и на меня напал такой жор, что наверняка все припортовые таверны,

где мы заказывали пищу, до сих пор помнят о прожорливом заказчике и пересказывают обо мне легенды. Я бы, может, и сейчас сорвался и пошёл в разнос, но здравый смысл да и все мои товарищи хором уговаривали меня не горячиться и сдерживаться. Да и где оно видано, чтобы ходячий скелет (я же попытался встать!), десять суток не принимавший даже воды в органы питания, вдруг через сутки после прихода в себя стал наворачивать за пятерых?

Вот я и держался! Сцепив зубы и пытаясь иногда прохаживаться по нашей спальне, порой содрогаясь от судорог при долетающем ко мне запахе пищи, но держался. Съел солидный полдник, потом приговорил ужин и уже через час стал требовать от Ксаны ужин под номером два. Мол, так положено во всех приличных домах Парижа и Москвы. Моя подруга не просто сама со слезами на глазах уговаривала меня сдерживаться, но и ветеранов позвала, которые массовой атакой на моё сознание уговорили меня продержаться хотя бы до завтрака и таки заставили улечься и попытаться заснуть.

Соглашаясь с ними, я и в самом деле попытался спать. Даже некоторые фильтры себе на нос соорудил, отсекая намертво все запахи, связанные с пищей. И на пару часов это помогло. Но я чувствовал каждое движение Ксаны, которая легла тихонько с другой стороны кровати и долго настороженно прислушивалась к моему дыханию. Верилось, что она переживает от всей души, остаётся начеку, а посему не даст

совершить задуманное. Поэтому я сильно разозлился на такую настойчивость и стал мысленно повторять, словно заведённый:

«Ну спи уже, спи! Чего ты всё вертишься? Спать!»

Не знаю, что помогло, скорее всего усталость, усыпившая Ксану, но я и не слишком задумывался. Убедившись, что она крепко уснула, я со всеми присущими шпионам осторожностями встал, укутался в одеяло, да и потопал на кухню второго этажа. Правда, пристроившийся возле меня Хруст начал было вопросительно похрустывать, но я его быстро успокоил коротким и строгим «Тс!» В пути мне тоже повезло, большинство обитателей Пирамидки спали, а дежурный с балкончика пятого этажа на лестницу не поглядывал, у него другая задача: смотреть за подбирающейся снаружи опасностью.

На первом этаже слышались голоса засидевшихся допоздна Неждана и Франи, но они-то мне как раз и не могли помешать. Я аки злодей подкрался к котлу с мясом, уже проваренным и готовым для прожарки на завтрак, подвинул поближе к себе солидный бачок с оставшейся после ужина подливой с обилием пассировки из пайды и приступил к... трудно даже дать определение моим действиям одним словом. Наверное, крыша у меня в самом деле съехала, и если бы чувство голода оказалось ошибочным, внутренности и мой Первый Щит не справились бы, я бы и из кухни не выполз. Или до утра уж точно загнулся от заворота кишок. А так я мясо ел руками прямо из котла, а подливку черпал и пил сразу половником.

Ни хлеба не искал, ничего иного на закуску, просто сидел и тупо поглощал всё, до чего дорвался. А, нет, вру! Не просто поглощал, а старался кушать тихо и негромко чавкая, ибо мечтал ещё об одном: чтобы меня никто вот сейчас не застукал на кухне, рычащим аки тигр, с половником в одной руке и куском мяса в другой.

Когуяр вёл себя на удивление скромно и понятно: только раз ткнулся головой в бедро. После чего получил от щедрот «моего столика» кусок мяса величиной с его башку, да и подъедал его, смотря на меня расширенными, полными естественной зависти глазами. Он словно говорил взглядом: «Такому, как ты, лучше на пути не попадаться! Если голодным будешь, и шкуру снимать не станешь!»

И я с ним мысленно соглашался.

Мяса было много, на всех. Так что мне его хватило. Подливка тоже ушла на ура, и совесть меня не мучила тем, что Фране придётся готовить для обеда второй казанок. Всё это аккуратно доев, я прислушался к своему внутреннему состоянию, и пусть с трудом вздохнул, но зато удовлетворённо. Ощущение дикого голода во мне показалось сильно приглушённым, словно уснувшим. Ну и следовало поспешить в свою комнату, поднявшись аж на семь этажей! Вот уж где был геройский поступок!

Стараясь не разразиться криком и стоном, придерживая провисший живот двумя руками, я кое-как всё-таки добрался до нашей спальни, впервые пожалев, что не выбрал

для этого третий этаж. Ну и что, коль окна нет? Зато плиты рядом! В любой момент можно подскочить на один всего лишь пролёт и ухватить нечто вкусненькое! Тем более в самый момент готовки, когда Франия колдует над плитой и вокруг распространяются самые ароматные и аппетитные запахи!

В этот момент, стоя возле кровати, я сглотнул обильно выступившую слюну и понял, что меня надо... срочно лечить! Мне опять захотелось вернуться на кухню!

И как я понял, виной всему оказалась всё та же крутая лестница: пока я её преодолевал, успел проголодаться.

«Ну нет, теперь-то я должен сдержаться! – вполне здраво и действительно осадил я сам себя и, уже собравшись лечь, приоткрыл глаза к своей прекрасной подруге. Ксана разоспалась, разогрелась и даже раскрылась, приоткрывая миру свои прелести. Честно говоря, не они и не фривольные мысли меня остановили от укладывания спать, а нечто совершенно иное. Интенсивно циркулирующая во мне после «второго ужина» кровь подтолкнула меня к исследовательской деятельности. Я ведь мечтал устроить сравнительный просмотр желудка и всего, что его окружает? Мечтал. Но днём мне это сделать не дали разные... хм, обстоятельства. А так как настроение оставалось боевым, поза пациентки вполне подходящей, то я и решил заняться полезным делом. Аккуратно придвинул к кровати табурет да и начал просмотр.

И сразу моё сознание стало фиксировать массу различий.

Стоило мне только напрячься и как следует сконцентрироваться, как все внутренние органы девушки, а вернее говоря, легко просматриваемые срезы, стали появляться у меня словно в добротном медицинском атласе. Хотя определение «добротном» было бы слишком неверным и далёким от истины. В атласе что? Картинка! А здесь? Вот именно: живая картинка! Где всё шевелится, вздымается, кровоточит, омывается желудочным соком и...

В общем, куча разных и, честно признаться, не совсем приятных в эстетическом плане функций, которые у непривычного к подобному зрелищу человека могут вызвать если уж не рвоту, то непроизвольное гадливое отношение. И я чуть ли не сразу зарёкся на будущее таким вот образом просматривать ту, которую обнимаешь, которую ласкаешь и тело которой целуешь с самым восторженным мычанием.

Да-с! Вредно такое просматривать ещё не окрепшим, молодым разумом. Тем более что никогда не мечтал стать хирургом, а уж тем более меня не привлекало сопоставить себя с гинекологом. Как-то оно всё не по мне...

Вспомнил, как совсем недавно экспериментировал с раной Емельяна Честного, пытаюсь залечить порезанные у него на плече мышцы. Так там было совсем иное! Там я и в самом деле чувствовал себя экспериментатором, даже опытным врачом, потягивая или прогревая то или иное мышечное волокно! А здесь? Брезгливость я в себе, пусть и немалым усилием воли, подавил, но вот толком разобраться в

хитросплетении органов так и не смог. Общее понимание, конечно, имелось, но вот разобраться в тонкостях структур и в верном расположении самого желудка не сумел. Мне там чего только не мерещилось, и каких только образований я там не обнаружил. Другой бы врач за мои возможности душу гаузам, а то и самым зроакам продал бы, а мне вот... не пошло, что ли... Или к такому зрелищу надо вначале привыкнуть?

Как бы там ни было, но аппетит у меня словно серпом отрезало. На кухню тащиться вновь я не стал, а улёгшись со своего края, попытался теперь уже и себя просмотреть. И опять... вигвам! Ничего увидеть не смог!словно нижний слой, за которым и таились мои бренные внутренности, кто-то густо забелил молоком, мелом или известью. Этакая молочная каша, сквозь которую я даже свой позвоночник просмотреть не мог.

Поднял взгляд чуть выше – рёбра вижу. Скосил на ключицу, тоже кости просматриваются. Наклонился в сторону – и даже собственный крестец рассмотрел. А в районе живота, под слоем кожи и всё тех же мышц – белый туман. Ну и что прикажете делать? Чем это мой Первый Щит настолько от меня отгородился? И с какой такой стати?

Хорошо, что припомнил рассказы старого патриарха, с которым мы с Лёней встретились по пути в Борнавские долины. Так вот этот старикан Трёхщитный утверждал, что только его молодой, опытный, полный сил коллега сумеет про-

смотреть во внутренностях иного человека тот же, к примеру, Первый Щит. А уж для каждого обладателя Трёх Щитов просмотр точно такого же обладателя – вообще дело немыслимое. Только и могут определять силу и мощь по иным, косвенным признакам, которые и не сразу-то рассмотришь.

Вспомнил. Успокоился. Заснул в сравнительном блаженстве.

Ну и дальше – как в одной народной пословице: сколько волка ни корми, а он всё равно жрать хочет!

То есть проснулся я, стыдно даже самому признаваться, всё от того же голода.

И видимо, слишком резко проснулся, потому что Ксана уже нависла надо мной, готовая сорваться и принести всё по первому требованию:

– Миха! Ты как? Тебе плохо?

Я и в самом деле задумался, что ей ответить. Ну и как можно быстрее провёл ревизию собственного состояния. Получалось, что организм идёт на поправку, теперь ему только и требуется, что хорошее и полноценное питание. Честно говоря, уже и самому стыдно было выглядеть каким-то жутким, отличающимся от всех остальных людей монстром, но сдерживаться от вполне естественного желания не смог. Поэтому и ответил:

– Нет, мне не плохо... мне очень плохо! Потому что наступила пора первого завтрака!

– Но ведь ещё все спят, – пыталась воззвать красавица к

моему благоразумию. – Даже Франия ещё не встала...

– Так что мне теперь, как командиру, учебную тревогу объявить, чтобы все встали и наконец мне покушать принесли?

– Не надо! Я быстро!

Она вихрем умчалась из спальни, обдав меня своими вполне приятными запахами. Что сразу повернуло мои мысли в иную сторону:

«Ого! Кажется, я и в самом деле твёрдо пошёл на поправку! Если уж в таком состоянии крайнего доходяги меня потянуло на некие близкие контакты с женским полом, можно не переживать о последствиях переедания. Мой Щит точно выжил! Ха-ха! – Но мысленно отсмеявшись, задумался по дальнейшей логической цепочке: – Он-то выжил, а вот что случилось с груаном?»

Тут вариантов было несколько, и самый оптимальный для меня являлся и самым естественным по своей природности. То есть мой желудок, при активной помощи нашего общего симбионта, – переварил чужака. Война окончена, потому что воевать больше не с кем. Осталось только отпраздновать хорошим... завтраком.

Я уменьшил толщину своих вакуумных беруш и прислушался, что там творится на кухне. Там бушевала в явном недовольстве Ксана, попрекая слабо отнекивающуюся Франию в неумении хоть что-то держать про запас. Потом к их голосам присоединились ещё и голоса двойняшек, да усилен-

ный шум посуды, и я понял, что придётся подождать ещё какое-то время, а потому продолжил размышление о груане. Причём размышления уже не совсем приятные.

Потому что стал обдумывать второй вариант: что случится, если чужой симбионт не уничтожен? Казалось бы, как такое возможно? Иного и не дано, как либо раствориться в желудочном соке, либо взорваться за момент до собственной смерти. Да только фантазии и множество знаний из Интернета живо подкинули мне альтернативу. Коль мой Щит настолько силён и всемогущ, то он мог и не переваривать врага, а попросту его изолировать от внешних смертоносных обстоятельств. А именно: создать вокруг груана некую не растворимую желудочным соком оболочку. Просто? Неимоверно сложно! Но не значит, что невозможно! Тем более свойств своего Щита, его возможностей и инстинктов сохранения я так толком и не знаю. Что бы там мне ни рассказывали старый патриарх или встречавшиеся мне на пути Двухщитные, никто толком мне все плюсы и минусы обладателя разложить по полочкам не смог. А значит, и такой вариант исключать было нельзя.

Теперь следовало сообразить, что это мне давало при таком варианте. По большому счёту любой груан – это некое оздоровительное влияние на организм. Причём даже в состоянии неактивной ракушки пассивное лечение наверняка для человека продолжалось. И если у меня в желудке будет этакий вечный «позитивный фонарик», то это мне пойдёт

только на пользу. А раз так, то мой личный симбионт мог и вполне сознательно пленить чужака, чтобы черпать из него дополнительные для себя силы и энергию.

Лепота! Иначе и не скажешь! Если бы...

...Если бы не тот факт, что пресловутые ракушки слишком уж взрывоопасны. Правда, они никогда не взрываются в поясах (что тоже требовало тщательного и скрупулёзного исследования и перепроверки!) при падении человека или при его слишком жёстких прыжках. Но ведь всё когда-нибудь случается впервые. И этим самым новатором быть ох как не хотелось! Да и вообще, носить у себя во внутренностях живую гранату (пусть и с примотанной намертво чекой или даже без взрывателя) – то ещё удовольствие! Вдруг щёлочка в оболочке появится и туда сок желудочный незаметно проникнет? Или кто мне в бою ногой в живот засадит? В ином бы случае я выжил, а тут – эпическая гайка! И радости мало посмертной, что ударивший ногой неприятель тоже со мной рядом окачурится.

Вот и думай тут: польза от второго варианта или преждевременная седина в бороду? Да и до бороды ещё вначале дожить надо, ибо моя любимая и незабвенная бабушка Марфа частенько твердила: «Все болезни – от нервов!» И следствия сразу проистекают от причин, вызывающих нервные стрессы. То есть: буду волноваться о груане – умру очень скоро от сонма навалившихся на меня болячек. И Первый Шит не спасёт.

Я тяжело вздохнул и прислушался к неведомо куда исчезнувшему аппетиту.

«Вот я уже и начал волноваться! – запаниковал я, чувствуя близкую смерть в самом расцвете своей молодости. – Сливайте воду, господа, трактор дальше не поедет!»

Благо, что в этот момент в спальню вошла Ксана с внушительным подносом. Мои ноздри уловили запахи съестного и свежесваренных лепёшек, и я тут же запомнил о постыдных для любого нормального мужчины мыслях. Во мне опять проснулся сильный, агрессивный зверь, которому теперь хоть десяток груанов зашей под кожу – ничего страшно не будет. Лишь бы его не отвлекали от тройной... хм! А моя подруга явно постаралась и ругалась на Франю не зря: от четверной порции! Благо, что на подносе чего только не было из того, что можно собрать на кухне в тот утренний период, когда первая вода на плите только вскипела.

Подкрепляться я начал, снисходительно поглядывая на Ксану, которая, поглаживая моего когуяра, вела с возмущением монолог:

– Ты представляешь, наша главная кухарка настолько разленилась, что нагло врёт мне в глаза! Заявляет, что ещё вечером отварила мяса и на завтрак, и на обед, а теперь лагун пуст. Причём на полу отыскалось несколько кусочков, таких небольших остатков, по которым Франя решила, что мясо слопал Хруст! И как у неё язык поворачивается такое выдумывать? Он ведь у нас такой маленький и совсем много

не ест... правда, морда ты наша?

Когуюр стоически переносил трёпку и поглаживания, кося на меня укоряющими глазами и как бы спрашивая и сам же отвечая: «Кто всю капусту пропил? Командир! А кого козлом отпущения назначат? Бедного котика...»

С самыми благими намерениями я попытался выгородить прирученного друга, да только рот был настолько занят, что вышло у меня в итоге лишь невнятное мычание. А жесты руками были восприняты совсем неправильно:

– Да ладно тебе, не стоит так сердиться и кого-то наказывать. Хорошо, что я Франю разбудила чуть раньше, и она вполне успевает приготовить на всех полноценный завтрак. Да и двойняшек подняла ей на помощь. Они вообще-то в последнее время жутко вредные стали и заносчивые, со мной через губу разговаривают, но как узнали, что ты на поправку пошёл и ранний завтрак потребовал, сразу забежали словно ошпаренные и на помощь Фране бросились. Хотели ещё и сами поднос тебе отнести, но я это безобразие в корне пресекла!

Да уж! Всё-таки моя подруга, на правах моей интимной пассии, так сказать, особы особо приближённой, всё-таки попыталась подмять под себя женскую часть нашего коллектива. И как бы чего не вышло из возможной конфронтации между ней и двойняшками. Они-то вроде обещали помалкивать о моём с ними, пусть и случайном, не по моей вине совершённом грехопадении, но если начнётся скандал, что

угодно у женщины на язык сорваться может. Разъярятся, то какие угодно доводы в споре начнут приводить, а там и до трагедии недалеко.

Но что я мог предпринять для этого в данную минуту? Правильно, только прожевать, что во рту накопилось, да изречь:

– Мы с тобой очень близкие стали, почти родные. Но это не даёт тебе права покрикивать ни на Франю, ни на Снажу со Всяной. У нас полное равенство, и подчинение полагается только командиру или его заместителю.

И продолжил уминать свой первый завтрак. А что, мне такая английская нумерация приёмов пищи начинает нравиться. А припомнить хорошенько, так ещё и много других жутко полезных традиций, существующих у иных народов Земли, можно будет припомнить да и ввести в постоянный распорядок дня.

Подруга же нахмурилась и смотрела на меня, словно командир боевой части пять атомной подводной лодки – на кока-инструктора. Вроде и прикрикнуть хочется (звание позволяет), да сомнения терзают и должность примерно одинаковая не даёт. А ко всему прочему, ещё и кок на подлодке неофициально считается матросами вторым человеком на корабле после кэпа. Я знаю такие отношения, мне дядька рассказывал, служивший на Северном Флоте в конце семидесятых.

Но и ум Ксаны лишний раз показал себя во всей своей глу-

бине. Женщина промолчала, ни единым словом не высказав своего недовольства, а попросту продолжила свой пересказ, сменив тему разговора:

– Ну и, наверное, сейчас Степан Живучий к тебе с докладом поторопится. Пока ты тут болел, он пытался всеми командовать. Но... честно говоря, не слишком-то у него получалось... – это она мне поведала так, словно рассуждала вслух. Подобное делают, как мне кажется, только супруги, которые вот таким образом как бы не «закладывают» подчинённых своего супруга, а наоборот, делают вид, что защищают: – Хотя понять его можно, на поле боя он грамотно действует, недаром его таким прозвищем наградили. Ну а в быту да повседневных проблемах ему ещё сложно. Молод, опыта маловато...

А меня она что, уже в старики записала? Во, девка, даёт! Это же надо! При мне, которому ещё солидный кус до двадцати остался, мужчину двадцати восьми лет молодым обзывать! Или это я уже так старо стал выглядеть, или мой авторитет поднялся куда-то на нереальную, заоблачную высоту. А пребывая так высоко, и зазнаться можно, потерять связь с действительностью. А чем это чревато?

Тут же вспомнилась моя промашка, когда как последний олень угодил в засаду к бандитам. Да и не в засаду, скорей всего. Атаман там со своими лучшими вояками просто отдыхал после длительной погони за нами, иначе я их рассмотрел бы с большего расстояния заранее. Вот тогда я тоже замеч-

тался, посчитал себя непобедимым, и... меня победили. Хорошо, хоть слишком коварным Зух Чапер оказался, любил излишне лукаво умничать, строить многоходовые комбинации и не знал про мои уникальные таланты и умения. Иначе и мне пришли бы кранты вкупе с эпической гайкой и всем моим подопечным, которые выбрали такого молодца, как я, командиром.

Кстати о докладе. У меня стал резко прорезаться повышенный интерес ко всему, что произошло в наших окрестностях за истекшие одиннадцать суток.

И появление моего заместителя оказалось как нельзя более своевременным. Мало того, следом за ним в спальню вошёл и наш официальный завхоз, Олышин Мастер. Мой поднос к тому моменту оказался девственно чист от еды, и я отстранённым тоном попросил Ксану ещё раз сходить на кухню и принести повторно «...чем-то подзакусить». Когда она уже была в дверях, крикнул ей вдогонку:

– И пусть с завтраком поторопятся, хочется уже чего-нибудь горячего в пустой желудок забросить.

Вошедшие мужчины ничего не знали про полный поднос, и уж тем более я не спешил признаваться в своём ночном ограблении кухни. Так что они просто порадовались за меня:

– Ну, раз аппетит прорезался – выживешь! – стал заверять меня Степан.

– И сегодня можешь уже постепенно порции свои увеличивать, – разрешил ветеран. Я не стал никого разочаровы-

вать тем, что уже давно не только увеличил порции, но и участил их до неприличия. Просто поблагодарил от всей души и задал вопрос о самом главном:

– Ну и где сейчас находятся остальные бандиты из шайки Чапера?

Тотчас мне предоставили результаты допросов обоих пленников. Оказалось, что в банде недовольство огромными потерями достигло такого предела, что возвращаться на прежние места жительства решили не только вояки из замка Зуб, но и подавляющее большинство подчинённых самого Зуха. Кто был ранен, кто собирался сопровождать товарищей назад, а кто открыто заявил, что не видит никакого смысла преследовать таких опасных и коварных врагов, которые однозначно и навсегда решили уйти из этих мест. Мол, всем остальным можно будет и так рассказать, что беглецов убили, а кому надо – отомстили. Большого для нагнетания страха и не требуется.

Чапер осознал, что начини он уничтожать наиболее говорливых – ему самому несдобровать, порешат на месте, какие бы вокруг него ни сгруппировались боевые и преданные сторонники. А ведь он считал себя человеком слова, да и кровная месть за убитого сына требовала от него исполнения данной во всеуслышание клятвы. Поэтому он двоих своих давних друзей отправил в замок вместе со всеми, чтобы хоть какой-то порядок поддерживался до момента его возвращения, а сам с тремя самыми отчаянными головорезами, готовыми

за него хоть в огонь кинуться, поспешил на наши розыски.

А мы-то, честно говоря, не слишком-то и уничтожали наши следы от арб! Понадеялись на стада животных, которые всё затирают своими тушами, и на том опростоволосились. Рисковая четвёрка по одному проскакивала по всем дорогам, а потом опять возвращались к месту сбора, и одному повезло наткнуться на наши следы поблизости от развалин, где мы делали большой привал. А дальше они двинулись по заметной временами колее, словно на прогулке. И в той самой малой пещерке, куда я сдуру сунулся, в самом деле устроили привал.

Пока я лежал без сознания, один проскочил до поворота в ущелье, заметил изменившие направление колеи и понял, что мы либо на большом привале, либо уже на конечной точке нашего маршрута. Вот и разыграли гамбит с моим минированием. Ещё и двух груанов при этом не пожалели.

Так что нам повезло. Ну и мне – в особенности. Перемудрил Чапер. Убей он меня сразу, мог потом и всю остальную нашу компанию сильно, очень сильно пощипать.

Но не получилось у него.

А у меня следующий вопрос появился:

– Что с пленниками?

Степан пожал плечами, покосился на завхоза и продолжил:

– Ты особых распоряжений по их поводу отдать не успел. А второй ко всему тоже ранен оказался: когда его дымком

подкоптели, слишком уж неудачно по стволу опускаться начал, вот обе ноги и поломал при падении. Допрашивали мы их отдельно, потом менялись и перепроверяли. Хотя какими они себя стойкими и крутыми ни считали, а всё как на духу поведали, во всём сознались и много ценных секретов про Чапера и про замок восемнадцать эф триста (18Ф300) поведали. При желании мы теперь этот приют мразей впятером взять сможем. Кстати, твой пояс с «твоими» груанами один из них таскал, пока от нас убегал, так что теперь они «чужие» стали...

– Чего уж там... новые собираем... Ну а с уродами что?

– Добили мы их... – без лишних эмоций встрял в разговор Ольшин, словно речь шла о мелких шавках. – Всё равно бы от ран умерли и от переломов, а лечить у нас некому было.

– Ага... – уж мне тем более жалеть о такой казни не приходилось. И так много чести для подонков, что так долго пришлось по Полю за ними побегать: – Ну и правильно сделали. Пусть хоть после смерти удобрением послужат. Ну а что творится в окрестностях?

Тут уже сам Мастер стал отвечать, как проводник, нас сюда приведший и могущий дать более полный и точный сравнительный анализ, чем кто-либо:

– Полную разведку тех долин провели, что дальше за нашим ущельем тянутся. Монстров там не так уж много скопилось, при регулярной охоте за две-три рудни изведём. Мало того, с десятков скользких зайцев заметили. Но эти шустрики

в какие-то норы ушли, словно в воду канули. Три дня там ловушки стоят, а всё равно пустые. А вот количество растений в наших долинах чуть ли не утроилось за девять лет! И в количестве, и в ассортименте. Мы ведь тогда тут долго жить собирались, вот и высадили семена разные, в том числе и самые редкостные, а они так разрослись за года, что любо-дорого смотреть. Почитай человек двести можно кормить и салатами, и варёными корешками, и полезными отварами потчевать на постоянной основе. Судя по всему, никто в это райское местечко за девять лет ни разу так и не наведалься, так что нам в этом повезло...

– А что с броском в сторону города Иярта?

Оба охотника уныло переглянулись и признались:

– Без тебя не рискнули...

– Да и бабы тут такой хай по этой теме устроили...

Тут как раз и Ксана вернулась, опять с полным подносом.

И услышав последнюю фразу, заинтересовалась:

– Это вы о чём?

– Не обращай внимания, – улыбнулся Ольшин, – это мы о своём, о мальчишеском! – но видя, что поднос ставится сразу мне на кровать, не преминул уточнить: – Эй, Молчун! А разве это не для нас всех троих угощение?

– Если кто не ел десять суток и совсем ослаб – могу и ему принести! – с готовностью заявила моя подруга. Но выждала паузу и добавила уже совсем иным, ехидным тоном: – Завтрак будет готов через полчаса, и я обязательно расска-

жу «бабам», что некоторые воины обессилели и в столовую не придут. – После чего демонстративно наклонилась надо мной: – Миха, дорогой, тебе ещё чего-нибудь принести?

– Да нет, спасибо! Буду надеяться, что я всё-таки воин и до столовой дойду сам.

– Тогда я пойду, присмотрю там...

И ушла, не договорив, где это «там», но явно давая понять, что захваченное лидерство терять не намерена. Я постарался не акцентировать на данном аспекте внимания скривившихся побратимов, а подхватив в руки самое вкусное, перед тем как начать есть, поощрил рассказчиков:

– Да вы не стесняйтесь, говорите, говорите!

Те только облизнулись, показывая, что и сами успели проголодаться после давнего ужина, но попрошайничать не стали. Ведь при желании и сами могли бы сбегать на кухню в любое время или ту же Ксану попросить с должным пиететом и уважением. А потому продолжили описывать возникшие трудности и свои соображения по этому поводу. Без такого «зрячего», как я, плюс переживая о моём же здоровье да ещё и располовинив отряд, Степан не решился отдать чёткий приказ на марш-бросок к Иярте. А сам Олышин и намёком не напомнил о запланированной акции. Теперь же о таком рейде вообще было поздно говорить: стада хищников вот-вот начнут свои ежегодные массовые миграции, и вернуться под спасительное прикрытие стен Пирамидки боевая тройка разведчиков может и не успеть. Почитай три дня туда при-

дётся потерять да столько же обратно.

Но больше всего пессимизма у моих друзей вызвало отсутствие в округе взрослых, матёрых монстров с груанами. Мало что тех и так трудно было отыскать без моих привычных подсказок, так опять данный сектор заселяли только молодые или нерепродуктивные особи. Сколько вылазок ни делали, в том числе и сравнительно дальних в последних два дня – толку ни малейшего!

– Даже паршивенького груана не обнаружили! – жаловался уже Степан. – Хотя тварей набили более чем преизрядно.

– А что, и такие ракушки бывают? – подивился я новому определению.

– Это он так, образно, – поморщился, как от зубной боли, Ольшин. – Но проблема-то всё равно перед нами стоит солидная. Благодаря тебе все настроились на добычу, а потом и на... – он и ладошками вверх указал, и глаза закатил артистично, всем видом намекая о вознесении наверх в статусе Светозарных. – ...Не хочется повторять все, чтобы не сглазить... Так что теперь все надежды только на твоё ближайшее выздоровление. Без твоих умений здесь только жить хорошо, сытно и безопасно.

Ну в этом-то и у меня сомнений не было. Сам только и мечтал поскорее силёнки восстановить, чтобы хоть копьё из рук не выпадало. Но вот про одно направление своей деятельности завхоз так и не доложил. Пришлось самому напомнить:

– Что у нас с Дланями?

– С этим проблема, – нахмурился Мастер. – Так ни одной и не отыскивали поблизости. А посему получается, что две досягаемые от нас в дневном переходе.

Я уже поел, отставил пустой поднос и протирал руки полотенцем, задумавшись над последней проблемой. Ну и вспомнил некую часть прозвучавшего ранее доклада:

– А вот по поводу зайцев... и тех нор... Может быть такое, что через них можно пробраться в иные каверны или в иные лабиринты Дна?

– Вполне возможно. Только вот норы скользких шустриков не для человека. Там только шавки вольготно пройдут да мохасики. Разве что ещё твой когуяр проберётся.

Мы все трое уставились на Хруста, который с полным, а может, и с показным равнодушием восседал в ногах моей кровати. А потом я стал выбираться из-под одеял и надевать на себя чего попроще.

Побратимы хоть и смотрели на мою худобу со страхом и сопереживанием, не удержались от поощрительных улыбок:

– Я думал, он шутит, – заявил Степан, – когда про поход в столовую на завтрак говорил. А он, ха-ха!..

– Значит, точно пошёл на выздоровление! – сделал окончательные выводы Олышин.

– Не угадали! – поспешил я возразить в силу своей противоречивой натуры. – Кушать мне не хочется, но как командир я просто обязан подавать пример наивысшей дисципли-

нированности. Ибо опаздывать на завтрак – это кощунство для любого уважающего себя воина!

От такого пафоса побратимы весело переглянулись и на оба голоса принялись дурачиться, восхваляя своего командира и расписывая тяготы своей жизни до того, как встретились со мной:

– Вот уж нам не везло! И завтраки пропускали...

– И обеды порой холодные жевать приходилось!

– Ну да, ну да! Зато теперь мы за Михой, как за каменной стеной!

– Только отныне придётся обязательно успевать за стол, хотя бы с ним одновременно...

– Почему так?

– Опаздывать нельзя. Иначе всё будет съедено до нас!

Я тоже не оставался в долгу, в меру своего повышающегося настроения пытаюсь отвечать колкостями или шутками. И вот так балагурия, мы опустились на третий этаж, где для обитателей башни и оборудовали столовую, совмещённую с главным продуктовым складом. Естественно, что первый этаж традиционно был оставлен под гостиную, и там тоже стояли столы. Но там мы собирались пировать в случае прибытия каких-либо гостей, коих мы вообще не ждали. Именно поэтому и было принято решение обедать личному составу в более удобном и просторном помещении третьего этажа.

Ну и приятно было, что при моём появлении там уже сидели все остальные, кроме стоящего на дежурстве Влада

Серого, приветственно и радостно заорали, перебивая друг друга. Увидев меня ходящего, да ещё и самого спустившегося в столовую, теперь уже никто не сомневался в моём выздоровлении. А значит, и в собственном благополучии в ближайшем будущем.

Глава четвёртая

Квартирант или хозяин?

Дальнейшие пять дней моего постепенного выздоровления и восстановления сил прошли для меня несколько скучно, уныло и однообразно. Всё-таки уставал я быстро, колени подрагивали, и, несмотря на более чем усиленное питание, мышечная масса на моём теле нарастала очень медленно.

Единственное, что мне давалось легче всего, так это бесцельное разглядывание трофейного медальона со значками, неспешное осмысление сути этого предмета и попытки додуматься, как этой штуковиной пользоваться. Если, конечно, она не есть след банального человеческого подражания. Как, например, в том же мире Трёх Щитов некоторые всё-таки могли рассмотреть значки на стенах Священного Кургана, и они сразу же вставляли рассмотренные знаки в свои фамильные гербы. Так и в данном случае могли быть люди, наладившие ширпотребовское производство таких вот безделушек, которые ничего кроме как эстетического удовольствия владельцу не доставляли.

Вот и я пялился на обе стороны медальона и... впадал в нирвану прострации. Да всё без толку.

Но три действия, которыми я мог оказаться полезным всей

команде, всё-таки совершались. Например, я разродился некоторыми советами Фране в готовке новых блюд и мясных кулинарных изделий (чем поразил её и всех остальных невероятно), и теперь у нас в меню каждый раз было что-то новое, идущее на «ура-а-а!» Также я старался в моменты бессонницы озадачиваться дежурствами непосредственно у окна собственной спальни. Оттуда у меня открывался отличный вид на начало ущелья, которое выходило в Синее Поле той самой огромной каверны, где по пространствам оной мы в первый день гоняли бандитов. Для нас опасность от тварей и прочих неожиданных визитёров могла исходить только оттуда, поэтому моего наблюдения хватало в полной мере.

А так как я в первые дни толком даже свистеть не мог, то мне соорудили удобный и звонкий тревожный колокол из куска подвешенной железяки, звенящей не хуже пожарной рельсы. И этого хватало, тем более что монстры нас проводывали нечасто после первых дней заселения. Вроде бы и нетяжкий труд, в котором меня чаще всех сменял ещё достаточно слабый после ранения Сурт Пнявый, но, тем не менее, очень существенный в момент, когда каждая пара рабочих рук была в страшном дефиците.

Ну и я наконец нашёл в себе силы заняться созданием метателя. Он бы нам весьма и весьма пригодился во время намечаемого рывка к городу Иярта. А когда Ольшин с Ратибором поняли суть этого невероятно эффективного оружия, то мы стали одновременно делать сразу четыре метателя, благо,

что пружинной стали у меня хватало и на несколько большее количество этого крайне передового, можно сказать за-претного, на Дне оружия. И для этого окончательно было переоборудовано в лабораторию-мастерскую все пространство четвёртого этажа. Там было вполне удобно для этого и просторно. Медленно, но проблема повышения нашей боеспособности решалась.

А почему медленно и почему рук рабочих не хватало, оно и понятно.

Потому что ещё во время моего первого завтрака мы решили более грамотно прикрыться от намечающегося наше-ствия хищников, которое могло бы не столько помешать лично нам, как невероятно сильно повредить наши сельскохозяйственные угодья. Ольшин Мастер буквально на пену изо-шёл, доказывая нам всем, что шикарные угодья мы обязаны сберечь любой ценой. Пусть даже мы через пять дней все станем Светозарными и вознесёмся в верхний мир, но даже при таких раскладах хороший и полноценный запас на мест-ных плантациях не повредит. Ну и так как древних, полу-развалившихся стен в самой узкой части ущелья хватало, то следовало только дружными усилиями восстановить старое да местами пристроить новое. И тогда уже ни к самой башне монстры не прорвутся, ни наши корешки (пусть и не нами выращённые!) не проредят.

Здоровое мнение, которое мы вынуждены были признать верным и принять к исполнению. Ну а тот десяток-полто-

ра молодняка, который выпасался у нас, в тылах, не слишком-то и рвался в Поля, так что его можно было истреблять постепенно, пуская на свежее мясо и сдабривая блюда из всё тех же клубней и корней. Каши-то следовало экономить, новые пайки получать было негде.

Вот все обитатели башни Пирамидка, кроме меня да по-сильно работающего, подраненного Сурта, и пахали на возведении стен чуть ли не круглые сутки. И получалось это у них под руководством и при непосредственном участии самого ветерана великолепно. Как раз тогда и я понял, каким образом на Дне делают и на чём конкретно замешивают довольно прочный, чуть ли не до крепости цементного, раствор. Для этого использовали сразу три имеющихся в грунтах компонента: известь, глину и песок. Что уже само по себе позволяло бы строить какие угодно по величине здания. Но для повышенной прочности в раствор добавляли и густую, патокообразную массу, которую вываривали из иных, несъедобных клубней вперемешку со щепой мухоморного дерева. Вначале меня это сильно напрягало, боялся, что все в башне отравятся галлюциногенным паром, но Ольшин своё дело знал чётко. Опасное при сгорании, мухоморное дерево при варке превращалось в вязкий пластилин, разбавлялось до нужной консистенции соком клубней, а после остывания через несколько часов вкупе с иными компонентами немногим недотягивало до прочности цемента.

Женщины кололи щепу, копали клубни да корешки, вари-

ли и носили патоку и даже порой успевали замешивать растворы. Ну а мужчины ворочали булыжники, рубили мешающие корни-деревья, поднимали на ребро и закрепляли намертво неровные природные плиты. И таки успели перегородить ущелье от диких, не званных нами визитёров. Потому что к концу пятого дня я рассмотрел со стороны Поля внушительное, под сорок особей стадо скатрегов, которое вполне целенаправленно двигалось в нашу сторону. К тому моменту я уже и голос восстановил, так что смог отдельно прокричать, откуда, в каком количестве и какая опасность движется в нашу сторону.

Так что приготовиться успели все преотлично. И несмотря на низкую, на некоторых участках не более двух с половиной метров высоты, стену, монстры так и не смогли через неё перебраться. Ну разве что становились на свои ласты да недоумённо заглядывали поверх стены, поднимая свои головы на метровых в длину шеях.

А я уже к тому времени притопал со своего наблюдательного поста к месту событий и довольно легко просмотрел прибывших попастьись на наших полях нахлебников на предмет наличия груанов. И у одной зверюги имелся желанный для нас раритет! После чего наш отряд действовал до приятного слаженно и дружно. Одни отвлекали нерепродуктивных особей, вторые завлекали выбранного мной скатрага чуть в сторону, и вскоре уже первый трофей в данной местности оказался в моём личном патронташе.

– Лиха беда – начало! – уверенно огласил я товарищам. – Дальше будет легче!

Как бы не так. Фиговый из меня пророк оказался.

Дальнейшие три дня нас разочаровали окончательно! Хотя наша преграда выстояла и даже постепенно совершенствовалась. А мои опасения, что разогнавшиеся байбюки станут перепрыгивать стенку, оказались беспочвенны. Видимо, эти колобки на такое способны лишь в момент наивысшего самопожертвования, поступаясь собой для общего дела. Ну и понятно, что во время Великого сражения. То есть с этим всё у нас получалось.

Но! Ни в одном стаде больше не отыскилось ценной особи-носителя. Одна молодая шушера, а старые – все бесплодные. Так что стал всё чаще и чаще подниматься вопрос: «Что делать дальше?» Следом за ним второй: «Где набрать каши и прочей съестной мелочи?», ибо крупы у нас заканчивались. Ну и женщины на полном серьёзе и довольно остро поставили передо мной вопрос: «Когда ты нас избавишь от привидения?»

Я вначале только посмеивался, будучи уверенным, что наши дамы меня просто разыгрывают или шутят. Ведь точно таким же образом я сам «пошутил» с уголовниками Олегом и Кеглей, перед тем как их убить. Сам же в рассказни и глупые легенды о потусторонних существах ни на грош не верил. Пока в конце концов не убедился в этом собственными глазами. Дело происходило на нашей «средней» кухне деся-

того этажа. Готовить там было неудобно по причине напрасного подъёма дров на такую высоту, а вот коптить там мясо да просушивать корешки с травками при малом расходе щепы – было наиболее целесообразно.

Вот сидя в очередной раз на своём посту у окна, я и услышал недовольный визг Франи и Снажи Мятной именно сверху. Они явно пытались то ли кого-то проучить, то ли от кого-то избавиться, обращаясь к нему при этом нехорошими словечками типа «тварь премерзкая» или «чмо невидимое». Опасности вокруг нашего «поместья» не наблюдалось, да и Сурту крикнул, дабы он меня подменил, поэтому я и решил проверить причину криков. Будучи уверен, что меня опять пытаются разыграть, и обладая уже необходимой прытью для лёгкого бега, я поспешил по лестнице вверх, стараясь не споткнуться о тушку моего постоянного сопровождающего Хруста. Ну и когда ворвался в кухню, остолбенел от удивления. Сценка того стоила.

Снажа двумя руками держалась за медный лагун с промаринованным мясом и изогнувшись всем телом пыталась дотащить его до плиты. Там над съёмными чугунными кольцами располагались крючья и куски проволоки, на которых мясо для копчения-вяления и развешивалось. Ну а Франия, с широкой и массивной метлой, колотила своим орудием по пустому пространству вокруг лагуна и требовательно рычала:

– Отпусти, урод! Отпусти, тварь премерзкая! Чмо ты по-

ганое!

Судя по их экспансивности и позам (если это был бы розыгрыш меня, наивного!), то получалось, что емкость медную они ловко и незаметно привязали к полу, а теперь разывают сценку «Экзорцисты за работой, изгоняющие прожорливого беса башни Пирамидка». Ибо никакой логике не поддавалась суть бессмысленного удержания того, что невидимое «ничто» и так не смогло бы употребить себе в пищу. Или всё-таки могло? И теперь занималось безнаказанным воровством?

Мне стало невероятно весело, но свой хохот я сумел сдерживать, намерившись посмеяться позже и громче всех. А вместо этого стал наблюдать всеми возможными для меня средствами и умениями. Хотя изначально только и сосредоточился на мысли:

«Как это они лагун сумели к полу приклеить?»

А он и не был приклеен намертво. Время от времени ёмкость чуточку сдвигалась под усилиями тянущей женщины, ну и, наверное, взмахи метлы, хоть и лупящие куда попало в пустое пространство, создавали определённые трудности шутнику. Но потом я мельком глянул на когуяра и удивился ещё больше. Хруст находился в нижней, стартовой позиции для атаки, его полностью раскрытые глаза чуть ли не светили перед ним фиолетовым светом, а азартно подрагивающий кончик хвоста испускал вокруг себя фиолетовые искорки. То есть зверь не просто смотрел, он видел нечто конкретное! Но

всё равно атаковать не спешил. А почему? Да, наверное, прекрасно понимал бессмысленность подобной атаки или заранее ставил себя в положение проигравшего. Потому что так и не двигался с места, приседая на лапы, возле моей ноги.

Тут и я максимально напряг присущие мне и подаренные Первым Щитом таланты, пытаюсь тоже рассмотреть это непонятное «Чмо». И на моё счастье, успел это сделать довольно быстро, начав пробовать на пустом пространстве все мои тринитарные всплески. Второй же вариант, которым я вызывал у противника или врага кашель и раздражение в гортани, подействовал. Правда, не так, как на человека, а послужив определённым лакмусом или проявителем, словно наполнив собой то самое пространство в ином измерении, которое занимало существо. И оно у меня предстало перед глазами в виде мешка с четырьмя лапами. Именно мешка! Раза в два большего, чем мне помнился тот же мешок с мукой, ну и лапы в длину чуть выше моего колена. Без головы, без хвоста или иных понятных человеческому восприятию органов.

И этот мешок большей частью своего корпуса просто навалился на лагун почти всем телом, а двумя лапами упирался в пол. А значит, масса у него или определённая сила имелись о-го-го! Оставалось лишь удивляться, что ему понадобилось? Какого лешего он так себя ведёт? И почему не пытается, к примеру, ухватиться за тех же Снажу и Франю? Судя по тому, как метла порой проходила сквозь туманную дым-

ку мешка, иные физические предметы на него никак не воздействовали.

Но я-то непрестанно продолжал охаживать уже видимое мне создание иными тринитарными всплесками. На «чих» он никак не отреагировал, на «щелбан» – тоже. А вот первый же пробный «горчичник» оказался ему не по нраву. Сгусток так весь и передёрнуло, словно он попал под удар тока. Ну и уже вторым, максимальным по силе и по площади всплеском силы я приголубил «Чмо» от всей души. Тут ему и досталось в полной мере: меняя на ходу цвет на розоватый, мешок соскочил с лагуна и с истошным скрипом, на приличной скорости ринулся прямо на ближайшую стенку. В какой-то момент мне показалось, что сейчас будет смачный шлепок или удар, но странное привидение вонзилось в стенку, словно той и не существовало в природе. Миг – и нет ничего!

Только растерянная и раскрасневшаяся Снажа сидит на попе да спешно пытается поставить емкость обратно на попа. Но всё равно несколько кусков маринованного мяса вывалилось, и теперь уже когуяр, разбалованный подачками ото всех, решил, что это для него, и с грацией и достоинством устремился на кормёжку. Еле бедняга успел отскочить от метлы, которой его презлющая Франя хотела приголубить под горячую руку:

– Назад! Это не тебе! – потом подняла голову, увидела меня и разразилась претензиями в адрес командира: – Ну а ты чего стоишь?! Делай хоть что-нибудь! Иначе эта тварь нас

с ума сведёт своими издевательствами! Ты её хоть увидел? Как она хоть выглядит?

Потому что по моему остекленевшему взгляду поняла, что увидел. Но я ничего лучшего не смог придумать, как ту-по спросить:

– А какие они вообще бывают?

– Да никто даже приблизительно не знает. Таких же зрячих, как ты, на Дне испокон веков не было. Выдумывают разное: кто про змея толстенного с пастью тервеля рассказывает, кто говорит, что это люди, здесь погибшие когда-то, а кто утверждает, что лично нащупывал в пространстве невидимую клешню рака-переростка.

– Хм! А про такой вот мешок, на таких вот лапах никто не упоминал? – пришлось ладонями показывать размеры и высоту.

– Не-а! – теперь наша главная повариха смотрела на меня с восторгом: – Неужели и в самом деле рассмотрел?

– Не только рассмотрел, но и ударил по нему огромным «горчичником». Слышали, как он со скрипом противным убежал?

– Конечно, слышали! – заговорила и Снажа. – У меня от него прямо зубы свело! А убежал-то он куда?

– Туда! – и ткнул пальцем на стену, только сейчас поняв, что она наружная. Приблизился к ней, ощупал и тут же стал бормотать: – Толщина приличная, чуть ли не восемьдесят сантиметров... И наверняка внутри могут быть полости...

Но и «Чмо» немаленьких размеров! Или оно может сжиматься?..

Обе женщины ловили каждое моё слово, присматриваясь, как я ощупываю стенку и пытаюсь просмотреть её в глубину. Они сразу уверовали, что раз командир взялся за это дело всерьёз, больше никаких пакостей в Пирамидке твориться не будет. От поднявшегося настроения даже расщедрились на кусок мяса для Хруста, и тот его неспешно, с этакой барской деликатностью прожевал и проглотил.

Но именно котяра мне напомнил своим присутствием, что он пыльный (а может, просто туманный?) мешок видит. А раз видит, то может и по запаху чувствовать. Ведь обоняние, иначе говоря, нюх у животных гораздо больше развит, чем у человека. Ну и дальше пошла вполне логическая цепочка:

«Смотря у какого человека! – вспомнил я о себе и о стоящих во мне до сих пор фильтрах на звуки и запахи. Я с ними в последнее время варьировал, подбирая для себя максимально оптимальные, и не понимал, откуда на меня подобная напасть свалилась. – Или всё-таки это меня Первый Щит наградил такими способностями? За какие такие, спрашивается, заслуги? Но раз уж они есть, то почему бы ими не попробовать воспользоваться?..»

Вот я и попробовал. Осторожно, не спеша. Потому что, если резко убирал все фильтры, то мог попросту в обморок свалиться от водопада рухнувших в моё сознание запахов.

Ведь как-то ориентироваться в них, изолировать ненужные и прислушиваться только к одному, я ещё толком не научился. Поэтому первые пяток минут то сидел на корточках возле стены, то передвигался по всей кухне или принюхивался к лагуну. А во время одного действия попросил Франю скрупулёзно пересказать все случаи, когда им мешало или пугало это самое «Чмо». А пока женщина тараторила, продолжал поиски.

Из слов нашей главной поварихи получалось, что несуразности, происходившие с участием привидения, имели некоторую систему. Непонятное Чмо, как я его уже окончательно окрестил, тяготело к медным вещам, кислым и сырым (что весьма важно!) маринадам и к предметам домашнего обихода, которые делались из мухоморного дерева. Таких предметов, несмотря на вред древесины при сгорании, имелось предостаточно, потому что порода была самая мягкая, хорошо изгибаемая в сыром виде и потом невероятно прочная после усыхания. То есть приложение силы мешок о четырёх ногах прикладывал именно возле или на эти три категории предметов. Что уже можно было применять в разрабатываемых вариантах поиска.

Но пока я ориентировался в основном по своему обострившемуся обонянию.

И в конце концов выделил для себя некий специфический запах, который трудно было перепутать с остальными. Тем более что этот запах мне был знаком с раннего детства, на-

чиная с которого я любил возиться с принесёнными отцом с завода детальками, а потом и паять их. Это был запах плавающей канифоли. А ведь он не просто редкий, а практически неуместный в данном мире запах. Тем более на Дне. И уж точно в данной башне. Уж здесь паять было нечего, водопроводные трубы – и то керамические.

Поэтому я, хоть и с большим трудом, настроился на ароматы канифоли да и двинулся в обход всей башни. Хотя чуть ли не сразу понял: мешок, обладатель четырёх лап, подался куда-то наверх. Но чем выше я поднимался в сопровождении Хруста, тем больше приходилось нам времени терять на каждый этаж. Всё-таки каждый последующий был больше нижерасположенного, да плюс некоторые оказались завалены невесть кем и когда оставленной рухлядью. Спальные комнаты, конечно, каждый себе очистил в меру своего понимания, а вот неиспользуемые помещения так толком и не разбирались по строгим настояниям Ольшина. Пока времени из-за строительства стен не было для проведения толковой инвентаризации, но он собирался это сделать, когда ритм жизни устаканится и какое-никакое время свободное появится. А как раз последнего и не намечалось в предстоящие... годы. Да и какой смысл возиться, расчищать и облагораживать? Дополнительные площади нам не нужны, так что пусть валяется...

Другой вопрос, что отыскать в этом «пусть валяется» что-то конкретное оказалось задачей практически невозмож-

ной. Нагромождение рухляди творилось иногда такое, что будь у меня умения в сотни раз большие, всё равно бы насквозь эти кучи не просмотрел. К тому же у меня создалось чёткое ощущение, что зловредный «мешок» явно понял, кто его припёк, и теперь сматывался от меня вполне целенаправленно. И понятно, если он тут проживал давно да мог передвигаться в толще стен, то тайников у него и удобных схронов предостаточно. Как я ни старайся, всё равно не поймаю это Чмо поганое. Только вот, как говорится, чем задачка кажется более непосильной, тем больший возникает азарт в попытках её разрешения.

И я начал с того, что наибольшим лакомством для когуэра стал его дрессировать на определение места пребывания нашего нелегального квартиранта. А моя одомашненная зверушка очень любила те самые кусочки очищенной тарани, которые поступали на Дно вместе с пятидневными пайками. Запас этого ценного для тела энергетика у нас имелся порядочный, и для моего лучшего и скорейшего восстановления мне к нему был открыт полный, неограниченный доступ. Вот рыбка у меня и валялась по всем карманам, и как только организм требовал что-то пожевать, я сразу же затыкал его прожорливую пасть очередным кусочком.

И когда я заметил, что Хруст усталился на одну из куч вроде как медного хлама, поманил его за собой и ткнул в то место под стеной, где и мог притаиться «мешок». Потому что я сам ориентировался по сильному запаху канифоли. А по-

том и непосредственно Чмо рассмотрел, которое половиной своего тела пряталось в стене. Присел и похлопал ладонью по полу, затем заставил примерно такой же жест сделать Хруста. И когда у того получилось – угостил кусочком рыбки.

Потом удар горчичником по странному привидению, новый визг и новые попытки отыскать. С третьего раза когуюр меня понял, и как только осознавал, где Чмо прячется, подходил к тому месту и деликатно постукивал лапой по полу. За что и получал очередную награду. Так мы раз шесть отыскивали непрошеного постояльца, «подогревали» его до розового цвета и опять шли на дальнейшие поиски по его же следу.

В конце концов он забился уже в такое место, что мы к нему и близко подобраться не могли. Как и увидеть не получалось за горами нагромождённой рухляди. Да и понял я, что толку от наших действий – никаких. Неведомое существо всё равно из башни не съедет и пакостничать не перестанет. Его либо следовало вылавливать более солидной ловушкой, либо оставить вообще в покое и не морочить себе голову. В принципе, не такая уж и большая это проблема. Хорошо уже, что теперь я его могу увидеть в пространстве, чётко локализовать по запаху и наказать, не отходя от кассы.

Так что мой прирученный помощник получил и седьмой, заслуженный кусочек тарани, и мы поспешили в нашу главную столовую. А как же иначе? Поработал? Силы потерял? Значит, надо их срочно восстановить!

К тому времени на третьем этаже уже все собрались на очередной ужин, поэтому засыпали меня вопросами по теме: «Что собой представляет Чмо? И как ты его наказал?» Ну я-то не сильно распинаясь, потому пересказать, как и что выглядит, — недолго, как и коротко поведать о не совсем эффективной экзекуции. Зато взамен я потребовал теперь уже и от наших ветеранов пересказать подробно всё, что они только могли слышать о местных привидениях. Уж слишком меня заинтересовало не известное, как мне казалось, ни в одном мире существо. И естественно, что больше всех и скрупулёзнее по этой теме мог выступить Ольшин Мастер.

Хотя и начал он с того, что посоветовал:

— Лучше всего не обращать на привидения ни малейшего внимания. Тогда они пакостят всё меньше и меньше, а со временем привыкают к людям, осваиваются отыскивают свои ниши в жизненном пространстве и становятся практически незаметны. Да и никто их никогда ни увидеть не смог, ни пощупать, в этом Франя права... А вот тот же «умник», который нас в экспедицию к Иярте собрал, довольно много времени уделял попытке привидения рассмотреть, изучить, а то и приручить. Я-то сам его ранних экспериментов не видел и ему не помогал, но вот один из его старых помощников как раз со мной на эту тему очень долго общался. И кое-какие размышления того академика сумел объяснить...

Мы слушали ветерана с удовольствием, не перебивая.

Конечно, и времени прошло немало, и объяснения те ока-

зались скорее фантазиями ученого, чем чёткими результатами экспериментов, но самая суть заключалась в определении происхождения загадочных созданий. Академик утверждал, что привидения не рождаются на Дне и уж ни в коем случае не являются бестелесными прообразами убиенных здесь людей, а попадают сюда извне, из иного мира. Причём не мира Набатной Любви, а какого-то совершенно иного. И путь попадания один: через Длани, вместе с большими ящиками с товарами, которые гаузы обменивают на светящиеся груаны. Сумел подсчитать академик каким-то образом и продолжительность жизни невидимых сущностей: около двадцати лет. А также склонялся к мысли, что размеры и масса привидения соответствуют среднестатистическому мужчине. Примерно, конечно, и никак себе толком не представляя конфигурацию, число конечностей или голов.

Весьма и весьма интересные выводы, которые мне можно было положить в начало собственных умозаключений. Но если опираться именно на них, то первые выводы уже напрашивались. В башне пятьдесят пять дробь четырнадцать ($55/14$), откуда мы прибыли, привидений не было. Это что Олышин, что Франя утверждали с полной уверенностью. Значит, привести его с собой мы сюда не могли никак. Он уже давно здесь. Опять-таки не более двадцати лет, если верить академику, который наверняка для таких выводов собирал определённую статистику. А так как в последние десять лет в Пирамидке никто кроме Мастера и его нескольких

друзей не жил, то Чмо по возрасту довольно взрослая особь. Если к этому приплюсовать ещё и заверения нашего завхоза, что и до его первого появления здесь прежние обитатели отсюда убрались ещё на десять лет раньше, то наш невидимый обитатель вообще стар, а то и на последнем издыхании.

Этакие логические размышления, опять-таки основанные на ничем не подкреплённых рассказах от кого-то кому-то.

Тем не менее итоговый вывод мною был сделан:

– Вполне возможно, что наше привидение не сегодня, так завтра само умрёт. Если уже не окочурилось от моих горчичников. Поэтому продолжаем наблюдать за «мешком», и только если он продолжит творить свои прежние пакости, я за него возьмусь всерьёз. Вон Хруст его уже сразу чувствует, подходит ближе и стучит лапой по полу, то есть присматривайтесь к тому месту... А потом мы общими усилиями и ловушку придумаем как соорудить.

Пока я рассказывал, как обучал когуяра и чем его за это надо поощрять, Франя сидела задумчивая, словно что-то припоминала. Потом стала рассуждать:

– Если *оно* такое большое и массивное, то не лучше ли его задобрить, чем с ним сражаться? Однажды я слыхала, что в одном из замков для ублажения привидений наливали на пол в кладовке острые маринады, а потом там становилось сухо-сухо. То есть кто-то их тщательно вылизывал с пола. Но зато и пакостей или прочих безобразий в том замке никогда не творилось.

– Попробуй, – сразу же разрешил я. – Если Чмо начнёт к выбранному тобой месту приходить регулярно, то и мне его изучать станет намного проще. Потому что гоняться за ним по всей башне – дело ну совсем бесперспективное. Он попросту начнёт отсиживаться в стенах, как мне кажется.

Вот наша главная повариха и попробовала. Причём место для приманки или прикормки выбрала не пустое, а заставленное поленницей дров, которые мы стали заготавливать непосредственно в самой кухне или на первом этаже. Ну вот был такой закон, положено было внутренним распорядком любой обители иметь запас дров не меньше чем на две недели. Так что и наш завхоз старался хоть частично наполнить наш резерв и топливными компонентами.

Франя попросила не просто на пол укладывать дрова, а на приподнятые, установленные на чурочках лаги. Вот под ними-то и было пространство высотой сантиметров пятнадцать, ещё и какой-то естественный сток туда получался, и лужа, там налитая, по остальному полу не растекалась.

Первый день налитый маринад оказался нетронут, а вот на второй, со дня нашего обсуждения, Чмо не просто спустилось туда, но и лежало в луже настолько долго, что жидкость три раза, после пополнения, высыхала начисто. Зато за эти несколько часов ни единой пакости не произошло, ни одна женщина не напугалась, а я успел довольно тщательно и спокойно присматриваться к странному существу. Видел-то привидение только я. Остальные – как ни приглядывались

по моим указаниям, ничего не заметили. Ну а Хруст – не считался. Он только то и делал, что раз в час подходил к поленнице дров, стучал лапой по полу, получал очередное поощрение в виде чего-то вкусного и с чувством отлично исполненного долга уходил в сторону.

«Мешок» по своей толщине был раза в два толще, чем щель, но это его нисколько не смущало. Верхняя часть тела просто совмещалась с дровами, словно тех не было. Лапы были расставлены в стороны, и похоже, что такая распластанная позиция помогала максимально абсорбировать в себя кисленькие субстанции рассола или маринада.

Своим горчичником я создание щемить, а уж тем более прогонять не стал, тем более что во второй раз Чмо на такую нашу приманку может и не клюнуть, ищи его тогда по всем этажам. Следовало его максимально изучить и только потом решать: прогонять, попытаться поймать или вообще больше не обращать внимания.

Но так как моё восстановление ещё не завершилось, охотиться, а уж тем более отправляться в дальние рейды мне было нежелательно, то как истинный, если не сказать врождённый исследователь-натуролог, я решил поработать над своей будущей докторской диссертацией на тему: «Привидения Дна промаринованные, расслабленные и с чем их едят».

Особо интересная деталь тех исследований, в чём я почему-то был на сто процентов уверен, что существо меня заметило, узнало и тоже постоянно за мной присматривало.

Кое-какая реакция Чмо просматривалась и на когуяра. Когда хищник подходил ближе и постукивал своими немалыми коготками, привидение подтягивало лапы под себя, словно готовясь немедленно или сражаться, или убежать. Но всё равно у меня даже малейшего предположения не закралось в голову по поводу возможной разумности данного существа. Ну вот хоть убейте меня, но я не поверю, что невидимая протоплазма может иметь разум! А может, и не протоплазма, может, там сгусток гравитационного поля? Или вдруг это некий сгусток радиоманнитных колебаний? Или кусок ожившей и перемещающейся самостоятельно радиации?

Всё могло быть... Хотя тут же проистекали следующие вопросы: зачем этому сгустку лапы? Где в нём конкретно центр всеобщей координации? И почему так любит маринады и рассолы?

После простых визуальных наблюдений, которые я проводил, сидя в некоем подобии кресла, постепенно перешёл к экспериментам с предметами.

Ну и не прогадал, верно проанализировав и иные сведения и рассказы. Всё-таки именно медь и древесина мухоморных корней могли оказывать воздействие на плоть неведомого существа. Причём многое зависело от скорости воздействия. Когда я медленно тыкал медным прутком или палкой из нужной древесины, Чмо совершенно не реагировало на прикосновения. Зато при ускоренных тычках лапы стали недовольно подёргиваться. Ну а когда я прутком из меди

слегка хлестнул по дивной конечности, раздался недовольный визг, и лапа резко отдернулась под поленницу. Потом она опять медленно, словно расслабляясь, выползла наружу. Зато я понял: некое оружие, а точнее говоря, орудие наказания для привидения было найдено. Теперь любая женщина сможет легко отогнать проказника в сторону, стегая в точку основного безобразия либо медным прутком, либо тонкой хворостинкой мухоморного дерева.

Когда я сообщил об этом окружающим, меня поздравили с удачными результатами экспериментов, но Франя и тут оказалась при своём мнении:

– Чем каждый раз хвататься за хворостинку, я лучше три раза в день этой твари налью кружку маринада.

На что Неждан Крепак рассмеялся:

– Эдак он к тебе привыкнет, приручится, станет за тобой ходить постоянно, а потом и в постель к тебе заберётся! Ха-ха-ха!

– Ну-ну! – не осталась в долгу кухарка. – Ты лучше смотри, чтобы он к тебе не забрался! А то ведь ещё неизвестно, вдруг он женского рода и уже давно к твоей кровати присматривается?

– Вот уж нет! Я в свою кровать никого не пушу! – решительно заявил ветеран. И тут же, словно в сомнении, добавил: – Никого, кроме... тебя, конечно же!

Уже почти все заметили, что данная пара сходится всё ближе и ближе, и вскоре в нашем коллективе появится оче-

редная семейка. Это если меня и Ксану считать первой семейной парой. Похоже, охотник и наша главная повариха и так уже успели сойтись на интимном интересе, но в одну спальню до сих пор перебраться не решались. Вернее, Франия не решалась. Тогда как Неждан уже всё чаще и чаще пытался надавить на женщину даже при посторонних. Не в физическом плане, конечно, надавить, а в моральном, больше шутками да подковырками, как только что.

Вот и сейчас сказал, замер, но не на женщину свою смотрит, а на меня. Да и она в мою сторону косится, ждёт реакции. Словно я у них сватья, сводник или шафер в одном флаконе. Но с другой стороны, тоже как-то довольно приятно на душе, пусть я и молод по сравнению с ними, а вон как уважают, готовы прислушаться к моему мнению, получить командирское одобрение, а то и благословение.

А мне что? Мне не жалко. Тем более что люди хорошие, и пара у них получится просто замечательная. Есть у них обоим нечто единое в духовной сущности, в рассудительности, степенности и постоянстве. Такие если сходятся, то на всю жизнь.

Поэтому я и решил устроить не просто этакий официальный переход одного человека в спальню другого, а сделать это праздничным днём. То есть устроить присущее каждому нормальному миру торжество. Естественно, Дно нормальным миром никак не назовёшь, но раз у нас отличный коллектив сложился, значит, надо нагибать окружающую дей-

ствительность под нас, а не под неё подстраиваться. В этом плане песня у Макаревича как нельзя лучше подходила. И я, несколько неожиданно даже для себя, пропел:

– Не стоит прогибаться под изменчивый мир,
Пусть лучше он прогнётся под нас!
Однажды он прогнётся под нас!

С моим новым голосом, который уже восстановился после кошмарной эпопеи с груанами, прозвучало более чем колоритно, музыкально и... здорово. Мне лично настолько понравилось, что представил любимого певца словно наяву. Остальные тоже рты приоткрыли, и я, уже бравирюя голосом, пропел целый куплет песни:

Один мой друг он стоил двух он ждать не привык
Был каждый день последний из дней
Он пробовал на прочность этот мир каждый миг
Мир оказался прочней!
Ну что же спи спокойно позабытый кумир
Ты брал свои вершины на раз!
Не стоит прогибаться под изменчивый мир,
Пусть лучше он прогнётся под нас!
Однажды он прогнётся под нас!

Сделал паузу и только потом продолжил:

– Я это к чему пою... Давайте устроим свадьбу! Самую шикарную и красивую. Ну и гульнём на этой свадьбе от

всей души! – не заметив понимания и единодушия от моих слов, пояснил более конкретно: – То есть устроим так, чтобы Неждан и Франия имели полное право называться мужем и женой. Ура! Дамы и кабальеро! Ура!!

Вот теперь уже до всех дошло окончательно, что и к чему. Все зашумели, начался бурный обмен мнениями и восклицаниями, а моя идея действительно пошла на ура.

Вот только задумчивый, слишком многозначительный взгляд Ксаны меня напрягал не по-детски.

Глава пятая

Разведка долин

По поводу своей подруги – словно в воду глядел. Не успели мы вечером только уединиться в нашей спальне, как в мою сторону сразу полетели первые упрёки:

– Почему это не наша свадьба оказалась первой? Чем мы с тобой хуже и почему это наши отношения не достойны того, чтобы их отпраздновать по наивысшему уровню?

Положа руку на сердце, следовало признать упрёки справедливыми. Да и отношение девушки ко мне можно было сравнивать с самыми романтическими, возвышенными и чуть ли не сродни подвигу. Она успевала везде: и в общественных работах участвовать, и со мной во время моего недуга словно с ребёнком малым нянчиться. А уж когда мы несколько дней назад вновь возобновили наши постельные утехи, то можно было бы смело заявлять, что лучшей любовницы, подруги и возлюбленной грех было бы не пожелать любому нормальному мужчине.

Только вот я почему-то не видел Ксану по отношению к себе именно женой. И совсем не потому, что меня нельзя отнести к мужчинам «нормальным». Или там слишком уж капризным, разбалованным, скандальным и уж тем более семейным тираном по бытовым проблемам. Скорее наоборот,

я в решении наших житейских проблем предоставлял подруге полную свободу, инициативу и во всём оказывал бесспорную поддержку. Но...

Если бы я оставался в этом мире навсегда, может, я бы сразу разрешил вопрос, ответив примерно так: «Мне просто неудобно было влезать раньше с нашим праздником, чем более старшим нашим соратникам. Да и командир должен себя вести поскромнее... Поэтому устроим наш праздник чуть позже, когда будут благоприятные условия». И всё! Тема была бы закрыта.

Но многие, да что там говорить, *невероятно* многие планы, связанные с миром Трёх Щитов и с миром Земли, заставили меня так и замереть на вдохе, а потом и на долгое время примолкнуть.

Ксана долго паузу выдержать не смогла и решила обидеться:

– Даже так? Ты со мной не желаешь на эту тему и словечком обмолвиться? Может, ты со мной уже и спать не собираешься?

Я пожал плечами и начал возмущаться таким поворотом разговора:

– Да я ещё и подумать не успел над твоими вопросами!..
– Ну тогда сегодня будешь спать отдельно! – уже совсем не прислушиваясь к моим словам и решив меня наказать жестоким образом, постановила красавица. – Заодно у тебя и время появится на «продумать».

И демонстративно стала стелить для себя на отдельном, совсем узеньком лежаке. Я так и стоял возле окна, делая вид, что растерян и сильно озадачен. Хотя на самом деле только и старался, чтобы не рассмеяться от такой сцены. С моим опытом в интимных отношениях, да ещё именно меня лишать доступа к прекрасному телу? Право, не смешно! При желании я сам заговорю кого угодно, отвлеку, заболтаю, и та же Ксана не заметит, как уже через пять минут будет трепыхаться у меня в объятиях. Но с другой стороны, я сегодня чувствовал какое-то моральное опустошение, хотя физически толком ничего и не делал целый день. Только отъедался да вёл наблюдения за Чмо.

Поэтому так великолепно совпало, что я как раз просто хотел завалиться и просто, без всяких затей, страстных стонов, воплей на всю башню и порванных извивающимися телами простыней – выспаться. И вон оно, получается как в песне: мечты сбываются!

Только я отлично знал также, что надо делать, чтобы отцепившийся от паровоза вагон не догнал его опять. То есть следовало подтолкнуть его с уклона, а не в другую сторону, и тогда можно спать спокойно. Поэтому я и начал с хорошо разыгранным недовольством:

- Ксана, а при чём здесь одно к другому?
- А вот будешь знать!
- И ты вот так, с недрогнувшим сердцем решишься спать от меня отдельно?

– Да! – с апломбом заявила она, будучи уверенной, что уговоры с моей стороны будут длиться вечно.

– И даже не придёшь погреть мне спинку?

– Вон пусть тебе Хруст греет!

– И ты не пожалеешь о своём поступке? – канючил я.

– Никогда! – заявляя настолько категорически, она гордо задрала подбородок, смотрела в другую сторону и наверное, сама восторгалась своей непреклонностью. А мне ничего больше не оставалось делать, как завалиться на нашу кровать и, укутываясь в одеяла, с трагическим пафосом воскликнуть:

– Злая ты! Съеду я отсюда... куда глаза глядят...

– Да на здоровье! – всё ещё будучи на волне своего решения меня наказать и противоречить в любом моем высказывании, продолжала подруга.

– Ты даже поговорить со мной не хочешь...

– Было бы с кем разговаривать!

Всё. Логическая цепочка нашей перепалки замкнулась. То есть мы пришли к тому, с чего и началась перепалка, только уже с противоположным знаком. Вначале меня обвинили, что я не хочу поговорить на нужную тему, а вот теперь последовало финальное заявление, что это, оказывается, со мной разговаривать не хотят.

Что и требовалось доказать!

Ведь недаром я столько книг вычитал в Интернете по психологии супружеских отношений. Женщины – они слишком

эмоциональны и страшно сами любят сбивать нас, мужчин, своей зигзагообразной логикой. Но при этом легко попадают на провокационные фразы, уходят в сторону и в конце концов начинают сами себе противоречить. Надо только верно и быстро этим воспользоваться и ни в коем случае не затягивать диспут до бесконечности. Иначе сама женщина забывает тему начатого разговора, и хуже всего, может по ходу припомнить ещё десяток иных тем, по которым она с полным правом считает себя жестоко обиженной.

Я в классическом стиле уложился во все временные нормы и постарался уснуть как можно быстрее. По всем расчётам и статистикам, дальше следует такая картина: умная женщина имеет все шансы обдумать разговор, понять свои ошибки и свести всю перепалку к шутке. Но она должна уложиться в десять минут. А вот не совсем умная (потому что глупых среди них не бывает по умолчанию, что бы о себе мужчины ни мнили), если не уложится в это время, тоже поймёт, что не права, но обратного хода ей уже не будет.

Для мужчины лучшая стратегия на втором этапе – это уснуть в течение этих вот десяти минут.

Я почти успел, но Ксана оказалась очень умная, она заговорила где-то в конце шестой минуты:

– Что-то я мало одеял взяла... Миха, брось мне одно своё!..

И прислушалась к моему размеренному и громкому сопению, которое я старался имитировать со всех своих сил. Но,

наверное, опыта не хватило, потому что красавица не пове-
рила:

– Только не надо притворяться, что меня не слышишь! –
короткая пауза. – Или тебе одеяла жалко? – потом возму-
щённое фырканье: – Как я его грела всё это время, так быст-
ро забылось! А я как здесь замёрзну насмерть и простужусь,
так ему глубоко наплевать!

И я услышал, как она нервно и шумно встаёт со своего
холостяцкого лежака. Ну и, конечно, дыхание у меня сби-
лось от еле сдерживаемого смеха. Желаящая обелить себя
женщина всегда устроит так, что виноват всё равно окажется
мужчина. И вот тут особенно важно сделать так, словно
это ты её прощаешь, проявляешь истинное рыцарское вели-
кодушие. Если успеешь...

Я успел:

– Прелесть моя! Ну так иди ко мне, и я тебя буду греть! –
и быстро развернулся лицом к ней навстречу. Ксана двига-
лась ко мне, даже не захватив свои одеяла, потому что нам
вдвоём обычно (если учитывать последние две ночи) и под
одним жарко было. Ну и понятно, что её приятная нагота
окончательно развеяла в моём сознании мысль рано лечь и
долго спать.

Как наущается многими книгами о семейных отношени-
ях: «...никогда не доводите ссору до абсурда. Тем более, ко-
гда дело идёт к перемирию. Уступайте женщине, и будет вам
счастье!»

Ко всему, несмотря на более укороченное время сна, утром я чувствовал себя прекрасно выспавшимся. Довольно бодро выскочил из кровати, не забыв чмокнуть жутко сонную подругу в носик, и помчался умываться. Но, видимо, слишком экспансивно чмокал, потому что вскоре под струями душа оказался не только я. Ксана там же и с ходу попыталась продолжить вчера начатый разговор:

– А вот когда, конкретно, проводить свадьбу Неждана и Франи будем? Почему бы сразу сегодня и не устроить?

– Так ведь, по сути, у нас ничего путного на свадебный стол и нет. Почитай все ценное, что у нас из пайковых запасов имелось, выели. Вон, даже каш не осталось...

– Так что, придётся нам к той далеко расположенной Длани идти?

– Ты о чём, милая? Вон сколько монстров по Полям бродит! Рядами и колоннами маршируют! Такое впечатление, что зверьё не пасётся или там переселяется, а целенаправленно всё живое в Полях вытаптывается. Туда не сунешься... Поэтому мы пойдём другим путём!

– Ага... слышала. Хотите по заячьим норкам в иные каверны проползти? Степан с Тимофеем смеялись, говорили, что там даже дети не протиснутся.

– Много твой Степан понимает... Как и Тимофей...

– Да уж не меньше твоего!

Нет, я не ревновал, но всё равно резко развернулся, приглядываясь к лицу подруги, которая явно на меня сердит-

лась. И даже догадывался почему: женщин в этом походе с тщательной разведкой наших внутренних долин мы ещё вчера решили оставить в башне. И только два вышеназванных охотника высказались за то, что и женщин можно было бы взять. Мол, опасности никакой.

Честно говоря, я в своих силах сомневался, куда уж там нашим дамам по всяким ходам-переходам изгибаясь да на четвереньках карабкаться. А рыцарь Молчун так и тряслась от желания отправиться вместе с нами. Пришлось подрастерять подноготную таких высказываний:

– Тут дело совсем в ином. Что Степан, что Тимофей в последнее время слишком уж стали приударять за двойняшками. Неужели ты не заметила? Вот им мало уже «домашних» отношений, захотелось в романтический поход отправиться.

Для меня вначале показалось жутко странным прозвучавшая отповедь:

– Ну и пусть отправляются! Девки здоровые, сильные, вполне могут при случае и сами арбу тащить.

И только уже вытираясь, догадался о тлеющей постоянно ревности Ксаны насчёт двойняшек. Поэтому она решила, что чем быстрее завяжутся твёрдые отношения у двух иных пар, тем она сама будет спокойнее. Как ни странно, в подобном вопросе я с ней полностью был солидарен. Я сам постоянно находился в напряжении, ловя на себе многозначительные, заговорщические взгляды Снажи и Всяны, краснея от их подмигиваний и стараясь не попадаться им на пути, когда

рядом никого нет из посторонних. Потому что пару раз обе девушки довольно беспардонно бросались ко мне с поцелуями и буквально требовали, чтобы я под любым предлогом среди ночи пробрался к ним в спальню. Ещё и обещали при этом:

– Мы себя тихо будем вести...

– И не станем бесстыже кричать, как эта твоя... Молчун...

Что хуже всего, у меня не было даже нормальной возможности для уединения с ними, чтобы там уже на них наорать от всей души, построить как следует и толком пригрозить разгулявшимся не на шутку девицам. Их поведение следовало кардинально исправить, тем более что все предпосылки для этого были. Малое количество женского пола в нашем коллективе довольно сильно мужчин напрягало, так что две свободные женщины начинали становиться яблоком раздора. Даже казалось бы, не совсем вернувшийся к жизни Сурт Пнявый смотрел на красавиц и непроизвольно облизывался. А уж про постоянно краснеющего и смущающегося Лузгу Тихого нельзя было вспоминать без улыбки. Парень буквально млел возле девушек, превращался в тупого барана, хотя на прежнем месте жительства побаивался посматривать в сторону чужой собственности.

Да и не сравнить было двойняшек нынешних с той парой затюканных, измученных и печальных овечек, которыми они казались раньше. Теперь это были свободные, брызжащие энергией и красотой женщины, которые только од-

ной улыбкой могли осчастливить каждого не только из нашей компании, но и высшего дворянского сословия мира Набатной Любви.

Опять-таки с оговоркой по поводу «всех»: лично я двойняшек не то чтобы побаивался, но почему-то всеми силами старался даже не вспоминать о той нашей страстной, пусть и нечаянной с моей стороны близости в Гнезде Озорных Купидонов.

Вот потому я и решил, уже одетый и собравшийся спустаться вниз:

– Ладно, тут ты и в самом деле права. Пусть отправляются с нами. А ты всё-таки шепни на ушко своим старым друзьям, чтобы они не терялись и ухаживали чуточку поактивнее. А уж я постараюсь, чтобы они чаще оставались с малышками наедине...

Зря такое словечко вставил, подруга сразу напряглась:

– Тоже мне, нашёл малышек! Чего это ты так ласково?..

Пришлось поспешно ретироваться, чтобы не нарваться на более едкие вопросы.

А на подворье, чтобы не терять времени до означенного завтрака, уже возились с одной арбой мой заместитель и все наши ветераны. Было решено не на себе волочь молоты, кирки, ломы и несколько массивных рычагов, а всё это катить за собой на транспортном средстве. Вот мужчины и занимались делом, мечтая выступить в поход как можно раньше. Я в процесс погрузки не вмешивался, зато решил сразу решить

вопрос с окончательным составом:

– Мне кажется, для обороны башни лучше всё-таки оставить на пару мужчин больше... – а так как возражений с ходу не последовало, все только на меня уставились выжидающе, я продолжил уже с большей уверенностью: – С Ксаной и Франей останутся Лузга, Емельян и Сурт. Ну разве что ты, Неждан, можешь поменяться с Емельяном или с Суртом. Решай сам.

Видно было по сморщенному лбу ветерана, что он и в поход хочет с нами отправиться, и со своей будущей супругой побыть. А так как ему семейная жизнь ещё нисколько не приелась, он думал недолго:

– Пойду сообщу Емельяну, что остаюсь вместо него.

Когда мы остались вчетвером, довольно деликатно поинтересовался Степан:

– А-а-а... с чего это вдруг? Вчера вроде думали иначе.

– Мало ли что там мы вчера думали, – проворчал я, потом шагнул к своему заместителю и прошептал на ухо: – Незаметно побеседуй с Ксаной! Она тебе растолкует, что к чему.

Тот тоже убежал. Ну а оставшиеся Олышин и Ратибор просто глазели на меня вопросительно, так что пришлось им тоже давать некие пояснения своих действий:

– Дело молодое, житейское. Пора уже давать шанс парам как-то вместе образовываться... Что Степан, что Тимофей в последнее время за двойняшками сильно приударили, и те вроде их не отвергают. Так что пусть рядом побудут во время

нашей разведки.

О-о-о! Вот тут у наших ветеранов рожи-то и скривились. Сразу мелькнуло у меня подозрение, что они сами на свободных девиц глаз положили, а тут вдруг молодой командир им всю малину перепортил. Да и последующие слова Ратибора моё предположение подтвердили:

– К чему такая спешка? И с чего именно такое решение? Ты тем самым как бы подталкиваешь женщин по выбранной именно тобой дороге. А может, у них иное мнение? А может, они пожелают выбрать кого-либо иного? Сам же утверждал о полной свободе выбора и полном равноправии.

– Так... выберут – значит, выберут, – растерялся я. – Против этого я и не собираюсь даже полусловом возражать.

А тут ещё и Ольшин влез со своими философскими размышлениями:

– И ты не забывай, командир, что женщины все разные бывают. Это твоя Ксана только за тебя держится, но ведь иные придерживаются совсем иного поведения, руководствуются иными вкусами и правилами выбора. Есть же такие красавицы, которым каждый день нового мужчину попробовать хочется, а то и сразу от двух получить чувственные удовольствия... И с этим, если ты ратуешь за полную свободу и самоопределение, тоже следует считаться.

Я только руками развёл от услышанного:

– В принципе... и против такого никаких возражений не имею. Но...

– Раз не имеешь, то давай во время завтрака, не откладывая это дело в долгий ящик, и закрепим этот вопрос законодательно. Чтобы потом ни у кого из нас не было двойного толкования того или иного действия.

– Верно! – более чем решительно поддержал его Ратибор Палка. – Женщины должны получить гарантии своих чаяний, а не бояться, что в данном вопросе опять будет использоваться грубая мускульная сила.

Мне ничего не оставалось, как, озадаченно почесав затылок, согласиться. Тем более я душой и сердцем верил, что наши две красны девицы сделают правильный выбор. Что Степан Честный, что Тимофей Красавчик – парни хоть куда. Всем критериям соответствуют, и любой с такими орлами не зазорно под венец отправиться.

Но чтобы сбросить с себя на всякий случай любой груз ответственности в будущем, я ткнул указательным пальцем в нашего завхоза:

– Вот ты, умник-философ, предложил этот закон, ты и двигай его в массы. А я посмотрю, как народ проголосует.

Хотя в итоговом голосовании я не сомневался. Наверное, никто не станет возражать против такого предложения. Потому что женщинам он более всех выгоден: лишний раз подтверждает их личную свободу и даже право выбора будущего супруга. Так они вообще получают в привилегированном положении. Ну а свободные самцы будут исподтишка мечтать, что истинно свободные самочки хоть раз в неделю вы-

берут именно его. А то и две на раз. Хе-хе!.. Львами себя, что ли, мнят? Наивные чукчи!

Хотя... От Всяны и Снажи можно ожидать чего угодно. Может, кому и в самом деле повезёт, точно так же, как мне.

Так что завтрак у нас получился насыщенный и продолжительный. Мне-то хорошо, я ни в прениях, ни в обсуждении самого закона не участвовал, заранее со всеми согласившись и наплевав на каверзные дополнения, которые как раз больше всего и оспаривали. Я просто деловито и слишком скучно набивал собственное брюхо. При этом поражаюсь, как туда столько всего влезает:

«Гадом буду, если мой Первый Щит не организовал там внутри какой-то пространственный карман и туда всё это сваливает. Или установил некий телепортационный канал, по которому отсылает гуманитарную помощь своим бедным родственникам... Или нечто совсем страшное у меня там творится?»

Думать о каких-то страшных глистах не хотелось даже краешком сознания. Но волнения на эту тему не пропадали. Да и в самом деле: той едой, что я в себя затолкал за последние десять дней, можно было смело накормить всех остальных обитателей нашей башни ещё долгое время. А я если поправился, то совсем немного, и до прежнего цветущего и одной рукой размахивающего любым по тяжести оружием ещё было ой как далеко. Получалось, что от смертельной борьбы с груаном я восстанавливаюсь дольше, чем от полученной в

детстве тяжёлой инвалидности. Нонсенс какой-то...

Но закон приняли, все остались жутко довольны, и я стал поторапливать:

— Ладно, господа рыцари и прекрасные, высокочтимые дамы! Хватит... жрать! Пора в поход!

А так как у нас уже всё было собрано, то и выступили мы довольно скоро. Оставшимся оставили довольно много «чужих» ракушек, чтобы они могли защищаться даже в случае нападения внушительной банды, да плюс ко всему в последние дни я успел усовершенствовать наш самодельный колокол. Тот висел на башне со стороны наших угодий и представлял собой одну тяжеленную часть, подвешенную более жёстко, и вторую в виде раскачивающегося по длине лома. Он-то и колотил по изогнутому подобию рельсы, которая резонировала настолько громко и направленно, что мы наверняка сигналы тревоги услышим даже в самых дальних, совсем диких наделах.

А мы далеко и отходить не собирались. Шли по проторённой первыми разведчиками тропе. Ибо во второй долине как раз и были замечены скользкие зайцы, а потом и обнаружены многочисленные ходы в пристенном лабиринте. Или, точнее говоря, в таком крупном завале с несколькими осыпями и каменными нагромождениями. А чуточку дальше, на противоположной стороне каверны, наличествовал ещё больший лабиринт, который девять лет назад довольно тщательно попытался исследовать Ольшин со своими друзьями. Но туда

мы собирались наведаться после заячьих нор. Ветеран утверждал, что там сплошные тупики, но вдруг они не всё хорошо осмотрели?

Так что уже через два часа наши вояки пытались ломать, кирками и молотами расширять самые перспективные заячьи норы и посредством ползания аки змеи, заглянуть в неведомое да отыскать сумрачный свет в конце тоннеля. Причём роль змей в охотку исполняли наши девицы, рискуя застрять где-то там навечно. И хорошо, что к их ногам привязывали верёвки! Пришлось пару раз увлѣкшихся поисками двойняшек вытаскивать за их аппетитные конечности наружу, потому что их зажимало в узких местах не по-детски.

Увы, три часа адского труда оказались совершенно напрасны. Дыры в земле и между камней тянулись в бесконечность и, судя по отсутствию зайцев, на самом деле куда-то вели, но как долго? Как далеко они тянулись? Без наличия в руках управляемого робота-вездехода разведать конечные точки выходов у нас никак не получилось бы. А все мои умения по просмотру твёрдых тел оказались не у дел. Нигде тоненькой стеночки я не заметил, как ни напрягался и ни тужился. Кругом массивные, толстенные стены.

Хруста тоже послать на разведку в норы не удалось: как я его ни уговаривал, он не соглашался. Хрустел возмущѣнно, топорщил свои усы кошачьи, но так и не полез в заячьи норы. Да и какой бы толк с его разведки был, если после возвращения он нам ничего толком рассказать не сумел бы?

Как ни странно, никто не расстраивался и не унывал. Много шутили, смеялись и даже порой просили меня что-то спеть из тех бодрых песен, которые и я сам любил в последнее время включать в репертуар.

Наверное, поэтому Ольшин предложил с ходу:

– Раз у нас столько сил осталось, то давайте на ту сторону двигаемся. Просмотрим там главный тоннель вдоль стены, а уже потом будем решать с обедом.

Переход занял всего десять минут, и уже на месте ветеран стал организовывать непосредственно процесс разведки:

– Вот это самая большая промоина, она чуть ли не по центру тоннеля находится. Но ещё два выхода находятся в торцах тоннеля. Поэтому предлагаю начать осмотр сразу с двух сторон, чтобы сократить время. Нас много, и разбиваемся на две группы...

Вот тут я и заметил, как все шесть мужчин слишком уж одинаковыми, скошенными взглядами посмотрели на двойняшек. Наверняка все шестеро подумали, что девушки окажутся именно возле него, а так как они были неразлучны, то могло получиться два на два. Но пока я соображал и с ухмылкой ждал, как оно всё образуется, наш завхоз уже начал распределение:

– Ну, с командира толку мало в переноске молота, он еле за копьё держится, так что тебе, Миха, придётся арбу сторожить...

«Ну кто бы сомневался в твоей хитрости, старый лис, –

старался я удержаться от хохота. — А вот как вы дальше делиться-то будете? Ох, умора!...»

И тут неожиданно встряла Всяна Липовая:

— А что же вы о самом главном не подумали? Обед на носу! Поэтому давайте, мужики, разбивайтесь на тройки и двигайте каждый на свой участок. А мы со Снажей как раз за полтора-два часа вкусный горячий обед приготовим. И чтобы нам удобнее было и безопаснее, затяните арбу вон на тот взгорок, возле стены. Там если что, и от монстров можно отбиться, и мы в том гроте не будем настолько в глаза бросаться.

Так как все стояли в явном ступоре, её сестрёнка стала покрикивать:

— Шевелитесь, ребята, шевелитесь! Потом сами же глотки драть начнёте, что проголодались!

Как это было ни странно, мужики смирились с таким обломом. Хмураясь друг на друга, они с разгона затолкали наше транспортное средство на крутой взгорок возле самой стены и закатали его в глубокий грот, образованный двумя скальными плитами, резко выступающими из стены и сходящимися вверху треугольником.

Я же в тот момент демонстративно присел на камешек, словно мне нездоровилось, а сам старался сдержаться от разрывающего мои внутренности хохота. Уж слишком мне физиономии мужские казались потешными да недалёкими.

Зря смеялся над крушением чужих планов!

После чего исследователи разбились на две группы, подхватили инструменты да и подались в разные стороны. И поглядывая им вслед да краем глаза наблюдая за резвящимся рядом когуяром, я задумался:

«Вот и наметилось у нас некоторое противостояние... Бывшие исполнители держатся вместе, а ветераны образовали своё трио. И все это – из-за женщин, каждый из них понимает истинные причины. Хорошо это или плохо?...»

Мои чапаевские думы прервал крик Снажи:

– Миха, иди сюда и помоги срубить корень-дерево. Заодно определи, не мухоморный ли он, и зажги нормальный костёр!

Ну да, я хоть и выздоравливающий, но отлынивать от посильных дел не имею права. Хоть и со вздохами, взобрался наверх, подхватил топор и стал присматриваться к нескольким древесинам, спускающимся на край площадки чуть ли не вдоль стены. Выбрал одну, примерился рубить, как сбоку раздался довольно напористый голосок Всяны:

– Ну-ка дай топор на минутку! – Когда я его ей отдал, думая, что она собирается порубить захваченное нами в дорогу мясо, она уточнила: – Далеко уже все ушли?

Без задней мысли я глянул в одну, потом в другую сторону и сообщил:

– Доходят до отметки в километр примерно...

– Вот и здорово! – сзади меня обвинили руки Снажи, а спереди ей стали помогать меня раздевать шаловливые и ловкие

ручки её сестры. – Мы одни и всё успеем!

– Так что радуйся!

А я от такой наглости слова растерял и зафыркал, как тюлень. На что сразу же получил ворох укоряющих восклицаний и открытых угроз:

– Ай да ловкач! Забыл про наши обещания?

– Или память отшибло и свои слова тоже не помнишь?

– А ведь мы давно такого момента ждали!

– Ну и поняли прекрасно, что ты нам в этом помогаешь!

Правильно?

– Потому что если ты сейчас начнёшь чем-то возмущаться и кричать, что мы тебе не нравимся, мы всё равно не поверим!

– А потом не только Ксане расскажем о твоём коварстве, но и во всеуслышание заявим всем остальным, что мы выбрали именно тебя как своего мужчину!

– И пусть только кто-нибудь попробует хоть слово сказать против! Единогласно за новый закон проголосовали.

Вот так вот! «Хочется как лучше, – как вещал один политический деятель славянского мира на Земле, – а получается как всегда!» Знал бы, что новый закон так ловко можно повернуть против меня же, такое бы устроил этому философу-извращенцу Ольшину, что он бы вообще забыл, как в сторону девиц поглядывать!

Хотя некоторые попытки призвать к благоразумию сторон всё-таки принимал:

– Девочки, ну нельзя же так! Что же вы творите-то! В любой момент могут ребята вернуться! Я не могу об этом даже подумать в такой нервной обстановке! У меня ничего не получится!... Давайте как-нибудь потом, в следующий раз... а?..

– Как же, дождёшься от тебя следующего раза! – усердствовала с моей одеждой почему-то уже оказавшаяся голой Снажа. – Ну и тогда наша близость пойдёт в иной счёт.

– А я буду присматривать по сторонам! – заверяла меня Всяна, помогая без всякого стеснения завалить меня, запутавшегося в не до конца снятых штанах, на расстеленное за благовременно одеяло. – Так что ты ни о чем не думай, а спокойно себе развлекайся!

И тут же голос её сестры, добравшейся до моих мужских отличий, довольно оповестил:

– Да всё у него нормально, уже вижу, что справится...

Ну и началось...

Конечно, чего уж там кривить душой, если бы я не захотел, ничего бы у красавиц не получилось. Всё-таки я мужчина, пусть и не вернувший себе форму, но просто из уважения к самому себе при желании двум бы здоровенным врагам глотки перегрыз. Так что с двумя противницами слабого пола уж всяко бы справился. Но в том-то и дело, что они были дамами. Да ещё и весьма, весьма привлекательными. И я к таким был неравнодушен всегда, а уж этим симпатизировал несоразмерно в частности. Уж слишком они мне Верочку и Катеньку напоминали. Ну и как истинный любитель

приключений, а тем более фривольных, подумал:

«А когда ещё в моей жизни представится подобный романтический случай? Стоит ли потом жалеть всю жизнь да запоздало каяться, что не расслабился и не получил должного удовольствия? Так что гори все остальные рассуждения демагогического толка синим огнём! Пошла жара! Да и время нельзя затягивать, в самом-то деле... Как говорится, раньше ляжешь... раньше... или встанешь?.. А-а-а! Без разницы!...»

В общем, за минут сорок я успел порадовать обеих своих любовниц по полной программе. Да и свои обещания они выполнили: не кричали, стоны сдерживали, и одна постоянно и внимательно посматривала в обе стороны от нашего грота. Я не думал, что вернувшиеся вдруг мужчины нашего отряда, застав меня с девушками в таком вот положении, озверели бы и потянулись к оружию. Всё-таки никому из них двойняшки ни повода для близости, ни надежды не давали, но в любом случае в нашем дружном коллективе случился бы страшный раздор. А то и вообще могло бы дойти до отделения противостоящих группировок и тотального расселения. Благо, что искать иные строения не обязательно, жить можно вот хотя бы в этих самых пещерах...

А уже через час после ухода товарищей на осмотр тоннеля я сидел возле быстро разложенного девушками костра, отогревал почему-то озябшие ладони и тупо пялился в тыльную стенку грота. Стыдно мне не было, укоры сознания не заеда-

ли, но вот пустота в душе всё-таки образовалась. Вот именно в ней я и пытался разобраться.

Пытался, но не получалось. Сколько и как я ни старался, ничего к умным размышлениям не подталкивало. А вот стена привлекала к себе внимание всё больше и больше. Что-то в ней было неправильное... Да и почему мне за странным глиняным покрытием и толстым слоем мха мерещатся блоки правильной прямоугольной формы? Да и вся стена какая-то слишком тонкая...

Или мне и в самом деле после чрезмерного усердия на ниве удовольствий мерещится, или...

Глава шестая

Пошли за кашей, вернулись с машей

Оказалось, что ничего мне не мерещится. Просто потраченные на бурные интимные удовольствия силы расслабили моё тело и сознание настолько, что проснулись, а правильнее говоря, полнее раскрылись некие иные мои возможности. Видимо, Первый Щит мой после отчаянной борьбы с симбионтом-чужаком уже достаточно восстановился и начал опять усовершенствовать моё брненное тело. Вот в некоем ракурсе, в некоем особом состоянии я и просмотрел насквозь не только мох, сеточку корней и слой глины, но и блоки правильной формы. И даже тот факт понял, что в общем, стена не настолько и толстая, всего около полуметра, а то и меньше.

Уже имея горький опыт в таких делах, я не стал сразу срываться на ноги, теряя ту тоненькую нить связи с новым умением, которую потом придётся восстанавливать и вспоминать долгое время. Не меняя положения тела и постаравшись запомнить своё состояние, я аккуратно вышел из него и тут же попытался вернуться. Некоторые трудности возникли, но всё равно получилось. Тренировка пошла полным ходом, и минут за десять я добился чуть ли не автоматического вхож-

дения в нужный транс этакого супернаблюдения. И на вхождение в него хватало всего парочки секунд. Про себя я назвал данное состояние «оком волхва», дабы не путаться с некими иными вариантами уже имеющихся у меня умений по просмотру разных вещей.

И только убедившись, что «око волхва» действует, как и положено, я встал и начал делать разминочные движения.

Тут же ко мне со спины подскочила Всяна, которую я узнал по голосу, и ласково замурлыкала:

– Миха, уже готовы салаты, размокла лепёшка, мы нарежали печенину и копчёный струдель байбьюка. Садись кушать.

Лепёшка была последняя, но даже когда её брали в дорогу, не обсуждалось и не оспаривалось, что она будет для выздоравливающего командира. Струдель, кстати, делался по моим технологиям. Плоский срез мяса отбивался хорошенько, потом мариновался денёк в специях, скатывался в рулончик, скреплялся бечевой и после этого вялился в лёгком дыму около суток. Итог такого действия сделал обжорами почти всех. Только вот, увы, на всех пока не хватало в полной мере, добрую половину я сам и съедал.

И понятно, что упоминание о таком деликатесе сразу же наполнило рот слюной. Пришлось вначале её проглотить и, взяв собственную волю в кулак, заявить:

– Прежде чем что-то кушать, надо заработать. А я ещё ничего и не сделал...

Тут же от большого котла, в котором она помешивала мя-

со с клубнями, отозвалась со смешком Снажа:

– Это ты зря скромничаешь! Если хочешь, то мы всем подтвердим, что ты заработал на пятикратную норму.

Ничем больше не смог ответить на такое заявление, как категорическим:

– Не хочу! Ваших поблажек... – и поспешил к нашей арбе.

Молоты и кирки ребята забрали с собой. Зато оставалось несколько тяжелых профилей из прочного, непонятного мне сплава металла с большой долей чугуна. Мы их прихватили в качестве более мощных рычагов, использовать которые пришлось бы при смещении особо массивных валунов. Ну и сейчас мне такая тяжеленная оглобля и понадобилась для пролома стены.

Видя, как я согнулся под немалой тяжестью, красавицы сразу бросились на помощь с недоумёнными причитаниями:

– Чего это ты хватаешь?

– Надорвёшься! Она же тяжеленная! И что ты задумал?

– Да вот, малышки, пришла пора рубить «окно в Европу»!

– Куда, куда? – переспросили они синхронно.

– Ну это так, образно... имеется в виду: в иные пространства открыть дорогу... – побряхтывая под тяжестью профиля, я всё-таки принял помощь девушек, указав им держаться за один конец нашего импровизированного тарана. – Так, молодцы! – Место я тоже приметил, чуть ниже пояса, и ткнул туда рукой: – Раскачиваем и ударяем со всей дури по стене. А я буду корректировать попадание в одну точку.

Конечно, с их объединённой помощью, пусть и женской, у меня получилось вдвое лучше. Силёнок-то у меня ещё физических маловато скопилось. А так мы действовали довольно мощно. После первых ударов облетели вся глина и мох. Потом стали крошиться блоки на стыке. С десятого удара и более солидные трещины зазмеились по стене от места ударов. Ну и с двадцатого – довольно приличная дыра, в которую может пролезть мужчина, уже оказалась пробита.

Первым делом я отогнал попытавшихся сунуться туда двойняшек:

– Назад! Вдруг там сейчас зерв какой покажется?! Да и обед может пригореть... – Потом шикнул на изготавившегося к прыжку Хруста: – Сидеть!

Здравый смысл возобладал у девушек над природным любопытством, и они отпрянули обратно. Да и когуяр уселся в смиренном, благоразумном ожидании. Потому что тоннель, нам открывшийся, был довольно узким для больших монстров, а вот ящеры могли там и в самом деле протиснуться. А лучшего воина против этих продажных и агрессивных созданий, чем я, на Дне было не сыскать. Так что именно моё право шагнуть первым в прорубленное «окно» ни девушки, ни Хруст не оспаривали. Да и с обедом поварихам следовало поторапливаться: наши поисковые группы придут примерно через час, а из горячих блюд толком ничего не готово. Само собой, что спросят ехидно: «А чем это вы здесь занимались?»

Поэтому в новое, только что открытое пространство я отправился в гордом одиночестве, если не считать беззвучно двигавшегося следом когуяра. Да не забыв прихватить среднее копьё с широким лезвием вместо наконечника. Десяток метров – поворот. Потом ещё несколько подобных участков. После чего... тупик!

Благо, что сразу же рассмотрел, что стенка тут не цельная, а скорее всего просто сложена без раствора, камень на камень, и прикрывает не столько тоннель, как резко сузившийся проход, в который потом придётся заползать на четвереньках. Возвращаться у меня и мысли не возникло. Несколько резких движений, и стена развалена. За ней сетка из корней с вплетениями мха. Удары копьём, и взору открывается обширное пространство уже совсем маленького, короткого прохода. А за ним...

«Есть новая каверна! – возопил я мысленно, хотя очень хотелось заорать во всю глотку. – Ха-ха! От нас ничего не спрячешь! Всё раскопаем! – подрезая корни разросшихся снаружи резиновых кустов, откинул получившийся полог в сторону да и выбрался наружу. Пара шагов, и я уже совсем иным, хозяйским глазом осматриваю наши новые владения. – Хм! А ведь ни одной башенки не видно или замка... Тоже нечто вроде Синих Полей?»

На просторах и в самом деле виднелись группки хищников, которые барражировали в разных направлениях, довольствуясь подножным кормом. Но даже если и так, то лишь

для благоприятной добычи груанов и такая вот территория ох как пригодится! Охота для нашей компании – это наше всё! Лишь бы тут тоже не оказались пастбища для молодняка и нерепродуктивных особей.

Ну и вообще стоило бы здесь осмотреться более тщательно. Так что я, глянув по сторонам, подивился обилию зарослей кустарника, густым гирляндам свисающих корней-деревьев, да и двинулся влево. Прошёл метров сто, скорее по Полу, не слишком приближаясь к стене каверны, и уже собрался поворачивать обратно, как рассмотрел узкую тропинку, уводящую в самую гущу зарослей. Причём тропинка явно не звериная, когтей тех же самых зервов я не заметил, а более массивные хищники оставили бы за собой целую просеку. Да и присевший рядом Хруст вёл себя совершенно спокойно, а то и равнодушно.

Странно! Неужели сюда заходят люди?! Потому что когуяр только на них не реагировал, как я догадывался.

Утроив бдительность и взяв копьё на изготовку, я довольно бесстрашно двинулся по тропинке, пожелав сразу выяснить местные странности. И был несказанно поражён, когда в массивной скальной стене каверны увидел уже раз виденную мной в пути Длань.

– Эпическая гайка! – вырвалось у меня вслух восторженное восклицание. – Сбылась мечта идиотов! Теперь у нас и каша будет! Ха-ха! Слышь, Хруст? И твои любимые деликатесы опять появятся!

И уже со всех ног, позабыв про осторожность и про тех, кто данную тропу мог проложить, я бросился непосредственно к месту выдачи пайков и прочей благодати из иного мира. Когда мы шли, а точнее говоря, бежали с места нашего прежнего жительства, нам только и попалась в пути одна Длань, где мы все попросту в страшной спешке получили свои пайки да умчались дальше. На какие-то осмотры или исследования мне не дали ни капельки времени. Зато сейчас я себе не мог отказать в желании истинного исследователя как следует толком всё ощупать, посмотреть и хотя бы частично понять, что собой вся эта штуковина представляет.

Отставил копьё в сторонку, сосредоточился на своих умениях и начал осмотр.

Причём сразу не стал заморачиваться с мелкими своими способностями, а начал с нового: использовал «око волхва». И минут пять с не передаваемым словами восторгом наблюдал за многочисленными потоками энергии, переплетениями каких-то стальных конструкций, обилием каких-то ёмкостей и за переливами массы светящихся струек, водоворотов и мигающих пульсаций. Последние сомнения, что этот мир построила некая уникально развитая техническая цивилизация, у меня развеялись окончательно. Теперь я точно знал, что Дно создавалось для иных целей, а не для каторги, и создавалось, скорее всего, не гаузами. Те, наверное, просто отыскиали нечто и теперь на этом наживаются, используя банальный колонизаторский, а точнее говоря, рабовладель-

ческий гнёт.

Но пока великие политические догадки я отбросил в сторону и самым тщательным образом продолжил изучение Длани. Первым делом меня заинтересовал сам момент получения посылки. Так что перед тем как положить свою ладонь в углубление, я задействовал свои умения и возможности по максимуму и во время самого действия довольно хорошо успел рассмотреть весь процесс моего опознания, отправки сигнала куда-то наверх, а потом вернувшегося приказа: «выдать», и чуть позже вывалившейся коробки с пайком. Проследил так же внимательно и за реакцией пункта выдачи на мою попытку получить второй пакет. Меня опознали, и где-то там фигурально скрутили русскую фигу.

«Ладно! – не расстроился я нисколько. – А что вы будете делать, когда я вам груан отправлю? – Я его достал из кармашка своего пояса, но, заметив, как сразу «взыграла» вся установка внутренними сполохами, мысленно воскликнул: «Ух ты, как сразу вы все там... да и тут – возбуждились! Никак тоже какой «третий глаз» работает?.. Или нюх у Длани особый на ракушки?.. Но отдавать я вам пока ничего не собираюсь... Не мне же таскать ящики!..»

Но рукой с груаном над приемной выемкой поводил. При этом тщательно пытался проследить все реакции огромного и скорее всего телепортационного агрегата. И тут меня отвлекла совсем иная реакция. Вернее, не так отвлекла, как попросту вернула в окружающий мир. Мой когуяр не про-

сто хрустел, а буквально щёлкал резкими звуками, предупреждая меня об опасности. И резко крутнувшись вокруг своей оси, я замер на месте с занесённой вверх рукой. Груан в ладони так и продолжал поблескивать, готовый стать гранатой в случае необходимости. Потому что копьё я по глупости оставил в нескольких метрах от себя, да и упало оно наземь.

А со стороны тропы замерли сразу пять изготовившихся то ли для рывка, то ли для броска копий женщин. Все в полудоспехах из прочной кожи, в железных шлемах, на шеях и на бёдрах защиты с кольчужными вставками, прикрывающими пах, колени, шеи и нижнюю часть лица. Весьма грозные на вид воительницы получались, и скорее всего, это именно они и протоптали к данной Длани тропинку.

Успел я также и к глазам присмотреться. Страху в них не было, агрессия тоже не распознавалась. А вот море любопытства плескало изрядное, потому я и не стал строить из себя крутого мачо и рывкать на них с максимальной строгостью.

– О, милые дамы! Рад вас приветствовать! – начал я распинаться, с улыбкой провозглашая приветствие и вполне естественным жестом опуская вниз руку с груаном. – Какая неожиданная, но жутко приятная встреча! Разрешите сразу представиться: Миха Резкий, рыцарь. На Дне всего лишь четыре рудни. Попал сюда скорее по недоразумению, чем за совершение противоправного поступка.

После чего даже сделал легкий поклон головой и чуть ли

не щёлкнул каблуками сапог. Не получилось из-за неровного грунта, только как-то нелепо шаркнул ножкой. Но в любом случае все мои слова, вежливость, приветливые манеры и даже поклон произвели на дам самое благоприятное впечатление. Они разом зашевелились, расслабленно опустили копыта и, сделав несколько шагов, вышли на край площадки перед Дланью. Теперь нас разделяло всего лишь пять метров, но меня уже не боялись. Да и худое, до сих пор измождённое после болезни лицо сразу навевало уверенность и более малочисленному противнику мысль: «Да с таким хлюпиком любая из нас одной левой справится!» К тому же в глазах у женщин теперь горело не только любопытство. Кажется, хотели заговорить чуть ли не все одновременно, но это желание прервала самая крупная среди них, явный лидер или командир. И спросила сама:

– Откуда ты тут взялся?

– Из соседней каверны, – не собирался я врать.

– Но там раньше никто не жил! – сообщила женщина. –

И мы тебя заметили уже возле самого начала тропы. Как ты тут оказался?

– Случайно. Просто шел вдоль стены и увидел тропку в заросли.

А мысленно уже просчитал: «...заросли простираются всего на тридцать метров, начало тропы они видели, скорее всего, и Длань под присмотром, значит, наблюдатель у них где-то в стене возле пункта выдачи пайков. Не высоко, мак-

симум десять метров...»

– Ты знал раньше об этой Длани? – вопросы звучали и дальше.

– Понятия не имел! А так как всего лишь раз, и уже давно, получал паёк, то вот решил хоть таким образом утолить голод.

Все пятеро опустили взгляды на мою коробку и вспомнили о Хрусте, который уже успокоился совершенно и теперь сидел на попе как паинька:

– А это что... или кто такой?

– Понятия не имею! Сам его отыскал дней пятнадцать назад в одной из разрушенных башен. Вот он ко мне привязался, привык и помогает в меру своих возможностей. Ну а я – ему. Ибо самое великое предназначение каждого разумного человека – это помогать ближнему своему в выживании. А теперь мне не терпится услышать ваши имена и узнать, каким образом столь благородное общество оказалось в этом месте?

«Это место» я обвёл широким взмахом ладони, попутно просматривая стену у себя за спиной и чуть по сторонам. И отчётливо рассмотрел в довольно широкой щели напряжённо за мной присматривающее женское личико.

«Скорее всего, у них там пещера и несколько дырок в стенах для наблюдений... Вот меня оттуда и заметили! А я, ротозей, кроме Длани ничего не видел... Хорошо хоть не агрессивные убийцы сразу по мою душу заявили... Но и одно-

родный женский коллектив на Дне – полный нонсенс. Подобные общества амазонок тут никогда не выживают, что бы такого они о себе ни мнили... Скорее всего, их мужчины в дальнем рейде или на охоте. Или спят... Или ранены...»

Старшая боевого квинтета не спешила рассказывать о себе и о своих подругах, а наоборот, нахмурила брови:

– Ты так и не рассказал, как ты здесь оказался?

– С удовольствием проведу вас по своему пути, – пообещал я торжественно. – И слово рыцаря, как вы знаете, – закон! Но вначале я тоже должен знать, с кем свела меня судьба, понять ваши намерения, выяснить ваши взгляды на то же рабство, которое я ненавижу всеми фибрами души и готов с ним бороться до последней капли крови!

Мой спич, раскрывающий сразу и полно основные критерии характера, более чем подействовал на слушательниц. И как оказалось впоследствии, каждое слово пало на благодатную почву. Сделав такое открытое заявление, я сразу же из категории «неизвестный таинственный рыцарь» переместился в категорию «истинный рыцарь, поборник борьбы за женскую независимость, союзник и соратник».

Одна из дам слегка коснулась плеча самой воинственной, как бы прося слова, и заговорила сама:

– То есть ты и в самом деле готов защищать женщин от рабской доли даже в этом страшном месте?

– Не только готов, но и сразу начал защищать! – без ложной скромности похвастался я. – И не жалею, что пролил за

это правое дело столько крови! Как видите, до сих пор ещё толком не излечился. А если сомневаетесь в моих словах, идёмте со мной и познакомитесь с моими подругами, которые совсем сравнительно недалеко сейчас готовят обед. Их я поклялся освободить из рабства, как только увидел, и сделал это! Они вам сами всё это могут рассказать.

Теперь уже ко мне шагнули чуть ли не все, начав говорить буквально наперебой. От этого даже когуяр отпрянул мне за спину и недовольно захрустел. Наверно, ему показалось, что меня атакуют. Но я же только выставил левую ладонь вперёд, а правой упрятал груан в кармашек пояса, внимательно при этом стараясь понять речь, льющуюся сразу из нескольких источников.

Как это ни странно, но я понял всё. И картина мне представилась следующая.

За добрым десятком Полей отсюда, за широкой и бездонной пропастью, есть целый кусок уровня, довольно-таки густонаселённый. Вот там, в одном из замков, который назывался несколько грубо Бочка, и проживала громадная ватага уголовников, содержащая своих подельников, и в особенности женщин, в строгом подчинении, а фактически в рабстве. Но и женщины им попались не совсем уж покорные, в особенности пара из них. Два несомненных лидера организовали своих подруг, подговорили их на побег, приготовились заблаговременно, и как только основная часть ватаги убыла на очередную войну, живо отравили и перебили остав-

шуюся часть гарнизона, прихватили самое ценное и сбежали. Тем более что пятнадцать дней назад как раз и продолжалось в стадах хищников великое перемирие-спячка.

Добрались сюда, отыскиали Длань, обустроились в пещерах и затаились.

Сколько их – пока не говорили. Как и на свою пещеру старались пока не коситься. И последней фразой мне удалось пояснение:

– О себе мы рассказали почти всё. Остальное ты узнаешь, когда мы поговорим с твоими подругами. Согласен?

Подобные предосторожности я только приветствовал. Но меня волновало ещё одно:

– Удалось ли вам хорошо запутать следы? Ведь взбешённые разбойники наверняка ринутся за вами следом.

– О, по этому поводу не переживай! Мы уничтожили единственный мост, который существовал через пропасть, а ни обойти её, ни преодолеть, спустившись на дно, – невозможно. Так что погони – не будет.

Вот это сообщение меня окончательно порадовало. Поэтому весело подхватил под мышку коробку с пайком, поднял упавшее копьё и с максимальной вежливостью пригласил новых знакомых следовать за собой:

– Милые дамы, тогда приглашаю вас на обед! Мы как раз к нему успеваем!

И пока мы шли, довольно красочно описал, из какого я города сюда попал, какими заслугами на ниве рисования и

живописи отличился и насколько мне нравится петь новые песни.

Песнями они интересоваться не стали, а вот услышав, что я из Макиля, несказанно обрадовались. Оказывается, в их группе имелаась одна женщина и как раз тоже из Макиля, но пока она вместе с остальными находилась. Но в любом случае уже все радовались, предвкушая нашу встречу.

Тут уже и лаз я им показал. После чего и по проходу провёл прямо к нашему гроту. А уж там состоялась истинная встреча, достойная создания эпического полотна «Встреча союзников». Хотя тут полотно можно было нарисовать массу: «Стоящие истуканы», «Неверие», «Знакомство», «Бурная радость», и для апофеоза: «Птичий базар»! Потому что я, как только перезнакомил женщин, сразу как-то отошёл на второй, если не на десятый план. Все семеро начали говорить и обмениваться информацией одновременно. Уж на что я себя считал умным, умеющим ухватить суть даже в подобном балагане, и то припух, отвалил в сторону, присел на камень возле арбы да и стал присматриваться к уже появившимся из центрального тоннеля мужчинам.

Те все шестеро шли медленно, чувствовалось, что устали, а уж по унылым лицам можно было догадаться, что ничего не нашли толкового. Мало того, кажется, они и поглядывали друг на друга слишком косо и нелицеприятно. Из чего можно было сделать вывод, что Олышин начал при всех распространяться о подноготной сути принятого во время завтрака

декрета. И подобные разъяснения наверняка сильно не понравились Степану и Тимофею, которые уже собрались прибрать в личную собственность последнюю пару остающихся у нас «свободными» девушек.

Ну как тут за себя, везунчика, не порадоваться?! Не успела только проблема назреть и превратиться в нечто опасное, как судьба подбросила шикарный выход. Даже будь этих женщин всего пятеро, уже все проблемы в нашем коллективе с преобладанием в количестве мужчин снимались. А ведь беглых-то рабынь ещё сколько-то там в пещере, и, вспомнив о своем незнании, я попытался прислушаться к последним обменам информацией в царящем у костров балагане.

Но уловил только то, что двойняшки с восторгом описывали новым знакомым только недавно принятый закон. То есть от всей души радовались за себя лично, что они на привилегированном положении и ни один мужчина не имеет права настаивать в отношениях с ними на интимной близости. Беглые рабыни истекали слюнками, пялились на счастливиц круглыми от восторга глазами, и наличие мужчин в нашей компании, о чём я раньше промолчал, теперь воспринимали словно благо, заслуженное в прежние тяжкие дни рабской неволи.

Даже удивляюсь, как моя команда долетела до ушей крайне заговорившихся близняшек:

– Снажа и Всяня! Расставляйте миски и наполняйте их! Наши поисковики в черте видимости!

Услышав мои слова, гости тут же бросились ко мне, и устали в сумерки, в точку, куда указывала моя рука. Там как раз для них в сумерках замаячили первые тени, и никто изначально и не заподозрил меня в повышенной «зрячести». Наши тоже пытались как можно быстрее рассмотреть взгорок с гротом, но когда поняли, что там посторонние, вначале ринулись вперёд, потом замерли на месте, рассматривая сидящего меня и пяток непонятных фигур обок. У меня даже сложилось впечатление, что они заподозрили самое худшее, сейчас бросят молоты и кирки наземь и понесутся выручать меня из плена.

Пришлось мне свистнуть товарищам условным сигналом: «Всё в порядке! Продолжить движение!» После чего они не стали разбрасывать инвентарь и понеслись вперёд чуть ли не вприпрыжку. А дамы-то, дамы как себя повели! Живо снимали с себя всё лишнее, в особенности шлемы, и постарались только доступными им жестами расправить несколько слежавшиеся и скомканные волосы. Вызвав тем самым у меня очередную волну философских, скорее всего, неуместных измышлений:

«Чудно и сказочно творение, имя которому женщина. Ещё только недавно эти несчастные были ущемляемы хуже скота и готовы были убить любого мужчину, вставшего у них на пути... Да что там готовы, они и убивали, рвась к свободе и ненавидя наше мужское племя хуже смерти. А вот прошло всего лишь несколько рудней, обстановка изменилась,

они сами излечились от побоев, подправили душевное равновесие и вновь готовы рискнуть, присматриваясь к новым мужчинам. Почему так? Почему они нам всегда прощают? Неужели в этом как раз и заложен матушкой-природой главный инстинкт выживания рода человеческого?»

Наши поисковики взобрались на взгорок и замерли на месте. При этом они вели себя как истинные джентльмены, которые никогда первыми не заговорят с женщинами, пока их не представят друг другу. Я уже было и рот раскрыл, пытаюсь припомнить новые имена и боясь их неправильно приклеить, как тут между мной и гостями возникла Всяна, бойко перечислила имена всех присутствующих и позвала к столу. Добавив, наверное, для самых непонятливых:

– Всем хватит!

А я-то был как раз из наиболее сообразительных, поэтому уселся первым на самом лучшем месте, возле большого казана, и приступил к трапезе. Тогда как остальные мои товарищи несколько опозорили мужское племя растерянностью и неуместным стеснением. Уж на что мне Олышин казался непробиваемым, невозмутимым, да и тот явно волновался. Ратибор с Емельяном тоже несколько нервничали, а уж троица бывших исполнителей вели себя как растерявшиеся девственники. Хорошо, что наши двойняшки так и фонтанировали счастьем и энергией, поэтому перехватили инициативу беседы в свои руки. Они живо поведали о сути ведущихся нами поисков, кратко описали каждого мужчину и его по-

двиги (как ни странно, обо мне и слова не сказали), а потом вновь заставили женщин пересказывать эпопею своего побега. При этом они многозначительно смаковали все подробности именно геройств беглянок: как те убивали своих мучителей, как сбрасывали со стен замка последнюю пару особо рьяно сражающихся мужчин, как лихо взорвали мост, на котором уже находились три преследователя, ну и как не побоялись жить в глухих, не имеющих ни единого строения Полях.

И вот когда пересказ эпопеи закончился, самая сильная и боевитая красавица вдруг спросила напрямик, обращаясь к самому старшему среди нас:

– А у вас в башне много места? Для нас всех хватит?

– Э-э-э... – замялся Ольшин, косясь в мою сторону. – А сколько вас? – Ведь мы до сих пор так ни разу и не услышали названного количества беглянок. По крайней мере, мужчины, потому что обе мои любовницы на этот вопрос как-то слишком уж знающе скривились в ухмылках.

Ну женщина и выдала:

– Нас двадцать три... – выждала паузу и, словно извиняясь, добавила: – Одна не выжила, умерла в пути от ран.

И замолчала, не сводя взгляда с ветерана. Точно так же на него пялились и четыре её подруги. Да и было о чём печалиться!

Ведь одно дело, когда в наш коллектив влились бы пять, ну, скажем так, максимум десятков женщин, но что делать с

двумя десятками?! И вопрос не в самом расселении по комнатам или в нехватке иного места под крышей, та же наша Пирамидка могла обслуживать население в две сотни человек. Одна из главных проблем возникала в существующей классификации охотника. Этим делом на Дне могли заниматься только мужчины, что бы там женщины о себе ни мнили. А значит, наши ребята сразу превращаются в добытчиков, и на шее каждого отныне будут висеть чуть ли не по три женщины. У каждого! И это что, придётся каждую обеспечивать десятком груанов?

Нереальное дело для этого ада, даже с помощью такого разностороннего специалиста, как я!

Но и это ещё не всё. Как бы там ни было, но если факт невозможности превращения женщин в Светозарные подтвердится, что случится в дальнейшем? Какие бы чувства ни возникли, как бы коллектив ни сдружился, всё равно мужчины начнут уходить после сбора своего десятка груанов. Тем более что ветераны не раз твердили, что люди при этом резко меняются и плевать хотели на окружающих, на любимых или на накопленные богатства. Только и рвутся по видимым им стрелкам к ожидающим их клетям.

То есть женщины прекрасно понимают, что придет время и они останутся одни. Или им придётся повторно рисковать с выбором компании и скорее всего опять становиться рабынями.

Вот такие проблемы сразу нарисовались у меня в созна-

нии, и сразу же высветился ответ:

«Ну и что в этом страшного? Несчастные женщины и сами согласятся жить, особенно если им в распоряжение достанется отличная и ухоженная обитель. Да и стену можно будет возвести повыше, и тогда уже точно обитательницам Пирамидки ничего угрожать не будет...»

А тут меня и Мастер добил своим ответом:

– Мы находимся в боевом походе. А во время оногo любые подобные вопросы, в том числе и о пополнении нашего коллектива, вправе решать только командир. Вот пусть он и принимает решение.

И под ошарашенными взглядами пяти пар глаз ткнул рукой в мою сторону. Хитрый, старый перец! Знал прекрасно, как можно уйти от личной ответственности, и ушёл. Теперь если что не так, все претензии будут ко мне одному.

К тому времени я уже доел свою последнюю, уже и не помню какую по счёту миску, тяжело вздохнул, и... злая улыбка у меня не получилась. Потому что когда я сыт – я крайне добрый. Я даже на Олышина не обиделся. И недоверчивые взгляды пятёрки воительниц «Этот безусый задохлик – командир над такими мужчинами?!» – меня не смутили. Хотя и хотелось сразу, со старта, всех поставить по ранжиру и показать крепкую командирскую власть. Но сытость подвела, паясничать было лень. Поэтому я только и отдал распоряжения:

– Присоединяйтесь к нам, милые дамы! И если вам понра-

вится в нашей обители и вы будете согласны выполнять наш строгий устав, то мы будем рады вас принять в наш дружный коллектив. Отправитесь с нами немедленно или пригласите всех своих соратниц-подруг?

— Конечно же, все пойдём! — даже как-то возмутилась женщина. — Мы дали клятву друг другу не расставаться до самой смерти!

Я постарался не кривиться от такого пафоса, а скомандовал своим подчинённым:

— Все шестеро вместе с малышками можете отправляться к Длани за пайками. А я останусь тут и покараулю арбу.

Как лично для себя, то хотелось вздремнуть после сегодняшних треволнений, потраченных усилий и обильной трапезы. Так чего мне мотаться туда-сюда без толку?

Без меня справятся! И даже Длань мне в такой лениности исследовать не хотелось.

Также я и без обсуждений понимал, что в данный момент нашему завхозу нет никакого смысла получать более громоздкие и количественные ящики взамен за груан. Это можно будет сделать и отдельным караваном, прихватив все имеющиеся у нас арбы. Благо, что всё у нас теперь под боком, недалеко. Да и на ту сторону можно будет протащить арбу в разобранном виде и уже там использовать на той мизерной дистанции в сто метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.